

АЛЕКСЕЙ ИСАЕВ
ГЛАВНЫЕ МИФЫ О
ВТОРОЙ
МИРОВОЙ

Главные книги о войне

Алексей Исаев

**Главные мифы о
Второй Мировой**

«Яуза»

2017

УДК 94(47+57)"1941/45"
ББК 63.3(2)622

Исаев А. В.

Главные мифы о Второй Мировой / А. В. Исаев — «Яуза»,
2017 — (Главные книги о войне)

ISBN 978-5-9955-0948-6

Усилиями кинематографистов и публицистов создано множество штампов и стереотипов о Второй мировой войне, не выдерживающих при ближайшем рассмотрении никакой критики. Ведущий российский военный историк Алексей Исаев разбирает наиболее нелепые мифы о самой большой войне в истории человечества: пресловутые «шмайсеры» и вездесущие пикирующие бомбардировщики, «неуязвимые» «тридцатьчетверки» и «тигры», «непреодолимая» линия Маннергейма, заоблачные счета асов Люфтваффе, реактивное «чудо-оружие», атаки в конном строю на танки и многое другое — эта книга не оставляет камня на камне от самых навязчивых штампов, искажающих память о Второй мировой, и восстанавливает подлинную историю решающей войны XX века. Книга основана на бестселлере Алексея Исаева «10 мифов о Второй мировой», выдержавшем 7 переизданий. Автор частично исправил и существенно дополнил первоначальный текст.

УДК 94(47+57)"1941/45"
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-9955-0948-6

© Исаев А. В., 2017

© Яуза, 2017

Содержание

Введение	6
Глава 1	8
Глава 2	36
Глава 3	57
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Алексей Исаев

Главные мифы о Второй мировой

Введение

*Военное дело просто и вполне доступно здравому уму человека.
Но воевать сложно.*
К. Клаузевиц

«Пьяные немецкие автоматчики шли в «психическую атаку» за «тиграми», «на него ехали десять танков, и он одного за другим подбивал их из выхватываемых один за другим из ящика «фаустов», «кавалеристы пошли в самоубийственную атаку на танки», «вместо обороны им приказали наступать»... Фразы, подобные этим, встречаются в мемуарной, исторической и публицистической литературе, посвященной Второй мировой войне, сплошь и рядом. Большая часть из них уже стала своего рода штампами, обязательными компонентами повествования. Если немецкий танк, то – «тигр» или «пантера», если самоходная артиллерийская установка – «фердинанд». Если нужно изобразить солдата вермахта, то обязательными компонентами становятся закатанные рукава серой униформы, короткие сапоги и пистолет-пулемет «МП-40» с крюком под стволом и коробчатым магазином. Советский солдат чаще изображается вооруженным трехлинейной винтовкой с игольчатым штыком. Ему постоянно чего-то не хватает, единственное средство борьбы с танками у него – длинноствольное тяжелое противотанковое ружье, которое попутно используется для стрельбы по самолетам. Советский солдат передвигается преимущественно на своих двоих, а лошадь в вермахте представляется просто какой-то дикостью – немецкие солдаты на страницах книг и в кинолентах до наших дней включительно перемещаются исключительно на грузовиках или гробообразных БТРах «Ганомэг». В крайнем случае авторы или режиссеры сажают людей в серой униформе с закатанными рукавами и «МП-40» в руках на мотоциклы.

Не везет, как правило, и командному составу нашей армии. Над командирами Красной Армии начальство постоянно измывается, вынуждая вместо сидения в теплом окопе наступать, бросаясь сотнями на строчащий пулемет в стиле «людской волны». У немецкого командования есть некий волшебный рецепт блицкрига, позволяющий со своей на 100 % моторизованной армией, обходя все встречающиеся на дороге узлы сопротивления на грузовиках, с губными гармошками, почти не вступая в бой, продвигаться на сотни километров и захватывать огромные массы пленных. На короткое время их наступление останавливается выскакивающими из засады неуязвимыми «Т-34» и «КВ», а уж окончательно блицкриг останавливается как вкопанный, после того как его встречают в долгожданной обороне, на которую талантливый командир из ранее репрессированных пошел вопреки приказам руководства. Последний гвоздь в крышку гроба блицкрига забивают несколько бойцов с помощью противотанковых ружей, расстреливая немецкие танки в лоб один за другим. Пиро-

технические эффекты от попаданий пуль ПТР в танки, как правило, просто незабываемые. Картина несколько утрированная, но в целом вполне узнаваемая.

Досталось в этом ряду и одному из наиболее известных широкой публике локальных конфликтов, хронологически укладываемому в рамки Второй мировой войны, – советско-финской войне декабря 1939 г. – марта 1940 г. Ужасные морозы, уходящие несколькими этажами в скальную породу ДОТы, финские лыжники-автоматчики и «кукушки» на деревьях – все это создало картину ледяного ада, в который попала Красная Армия.

Разумеется, яркие, образные картины не являются исключительным изобретением отечественной исторической и публицистической мысли. На Западе также присутствуют свои кумиры и фобии, только носят они другие имена. Один из наиболее известных примеров – это история создания и боевого применения реактивного истребителя «Me.262», на пути к триумфу которого якобы оказался сам Адольф Гитлер, в силу странного чудачества потребовавший переделать истребитель с незаурядными характеристиками в «блицбомбер». Столь же хорошо знаком отечественному читателю миф о том, что вермахт обошел «линию Мажино».

Однако если приглядеться к явлениям, породившим вышеописанную череду образов Второй мировой войны в массовом сознании, то выясняется поразительное несоответствие реальности хорошо известным стереотипам. Массовый солдат вермахта оказывается пешим путешественником, вооруженным винтовкой. Данная работа представляет собой попытку разобраться в мифологии Второй мировой войны и по возможности расставить факты и события по своим местам.

Глава 1

«Панцер» и «штука» равно блицкриг

Яркими образами успехов немцев в 1939–1941 гг. стали танки и пикирующие бомбардировщики «Ю-87», известные как «штука» (сокращение от «штурцкампфлюгцойг» – пикирующий бомбардировщик) и прозванные советскими солдатами «лаптежник» и «певун». Ввод «Ю-87» в пикирование переворотом и колонны «панцеров» в кадрах кинохроники говорили потомкам: вот главные средства молниеносной войны.

Однако у людей, даже бегло знакомых с историей техники, все эти картины вызывали сомнения и подозрения. Немецкие танки периода блицкригов были далеки от совершенства. В польской кампании большую часть танкового парка составляли устаревшие танки «Pz.I» и «Pz.II», а также чешские трофейные машины. «Штука» – это архаичный самолет с неубирающимся шасси и на образ чудо-оружия совсем не тянул, несмотря на действительно впечатляющие возможности по бомбометанию с пикирования. Более того, «штуки» в ходе блицкригов действовали не на всех участках фронта. Например, на Украине в июне 1941 г. ни одной эскадры, вооруженной пикирующими бомбардировщиками «Ю-87», попросту не было. Тем не менее, ГА «Юг» достаточно быстро продвигалась вперед. С другой стороны, завершение периода блицкригов пришлось на момент, когда Германия получила танки и самоходки с достаточно высокими техническими характеристиками. Так в чем же секрет?

«Неправильные» для блицкрига танки – брошенные французские «Н-39».

Термин «блицкриг» следует трактовать в данном случае в максимально общем виде, как достижение целей войны в результате одной крупной операции или кампании как цепочки операций. С этой точки зрения немецкий план войны 1914 г. – это тоже блицкриг, пусть и неудавшийся, попытка в скоротечной кампании разгромить Францию. Тогда война перешла в затяжную фазу вследствие недостаточно быстрого продвижения вперед охватывающего крыла германской армии. Французы в августе 1914 г. сумели перевозками со своего правого фланга собрать против охватывающей «клешни» достаточно сил, чтобы остановить ее и перевести войну в позиционную на долгие несколько лет.

«Правильные» для блицкрига танки – подбитый «Pz.II».

Польша. Несмотря на усиленную пропагандистскую работу ведомства Геббельса, победа над Польшей в сентябре 1939 г. была одержана по причинам, далеким от тактических особенностей использования танков и пикирующих бомбардировщиков. Вполне прозрачно и четко ситуацию проанализировал советский военный специалист Г. С. Иссерсон. Он писал в 1940 г. следующее: «Ошибки польского командования могут быть сведены к трем основным.

1. На польской стороне считали, что главные силы Германии будут связаны на западе выступлением Франции и Англии и не смогут сосредоточиться на востоке. Исходили из того, что против Польши будет оставлено около 20 дивизий и что все остальные силы будут брошены на запад против англо-французского вторжения. Так велика была вера в силу и быстроту наступления союзников. Таким образом, план стратегического развертывания Германии в случае войны на два фронта представлялся совершенно превратно. Так же оценивались и возможности Германии в воздухе. Наконец, твердо рассчитывали на непосредственную эффективную помощь Англии воздушными и морскими силами. Бесследно прошли исторические уроки прошлого, уже не раз показавшие подлинную цену обещанной помощи Англии, которая всегда умела воевать только чужими солдатами.

Из всех этих ложных расчетов делают еще более ложные выводы. Считают возможным обойтись чуть ли не одной армией мирного времени. С мобилизацией второочередных дивизий поэтому не спешат. Но об этом широко оповещают, объявляя о мобилизации двух-миллионной армии. Такой дезинформацией думали напугать противника. Однако эффект получился совершенно обратный, так как германское командование сосредоточило в ответ еще большие силы против Польши.

2. На польской стороне считали, что в отношении активных действий со стороны Германии речь может идти только о Данциге, и даже не о всем Данцигском коридоре, и Познани, отторгнутых от Германии по Версальскому договору. Таким образом, совершенно не уяснили себе действительных целей и намерений противника, сводя весь вопрос уже давно назревшего конфликта к одному Данцигу.

Поэтому о Силезском направлении, откуда на самом деле последовал главный удар германской армии, весьма мало заботились.

3. На польской стороне считали, что Германия не сможет сразу выступить всеми предназначенными против Польши силами, так как это потребует их отмобилизования и сосредоточения. Предстоит, таким образом, еще такой начальный период, который даст возможность полякам захватить за это время Данциг и даже Восточную Пруссию.

Таким образом, мобилизационная готовность Германии и ее вступление в войну сразу всеми предназначенными для этого силами остаются невдомек польскому генштабу» [1–С.31–32].

Польская армия была элементарно упреждена в развертывании. Немцы медленно накапливали силы на границах Польши и скрытно провели мобилизацию, то есть довели свои дивизии до численности военного времени. В первом блицкриге это получилось невольно – первоначально датой нападения было назначено 27 августа 1939 г., и к этому дню вермахт был почти полностью отмобилизован и готов к бою. Это позволило напасть на не закончившую мобилизацию и развертывание польскую армию (большая часть дивизий проходила мобилизацию внутри страны и перевозилась к границам) и, обладая подавляющим численным превосходством над войсками у границы, перемолоть всю польскую армию по частям.

Пикирующий бомбардировщик «Ю-87» на аэродроме. Этому неказистому самолету суждено было стать одним из символов немецких блицкригов.

Советский Союз. По аналогичной схеме произошел разгром Красной Армии летом 1941 г. Храня гробовое молчание на дипломатическом поприще, немцы сумели на какое-то время усыпить бдительность советского руководства. Это позволило им провести перевозки дивизий к границе с СССР во все нарастающем темпе. И когда это сосредоточение было соответствующим образом оценено, отреагировать советское руководство уже не успевало. Для приведения в боевую готовность и переброски к границе войск внутренних округов времени просто не оставалось. Поэтому РККА встретила войну, как и польская армия, разорванной на три оперативно не связанных эшелона, которые немцы били по частям. В принципе это избиение в случае с Польшей и СССР могло происходить и без «панцеров» и «штук», более архаичными средствами. «Панцеры» и «штуки» лишь несколько усиливали эффект, достигнутый политическими средствами (молчанием на дипломатическом поприще в случае с СССР).

Даже на репрезентативном фото вооруженный двумя пулеметами «Pz.I» не производит сильного впечатления.

Однако если разгром Польши и успехи в СССР летом 1941 г. можно было объяснить «неправильным» противником вермахта, то это объяснение совершенно не работает в случае Франции мая 1940 г. Французская армия была полностью отоброшена и развернута (еще осенью 1939 г.). «Французы не хотели воевать» также представлялось не слишком убедительным аргументом: тяготы «странной войны» не шли ни в какое сравнение с 1914–1918 гг.

Чингисхан нового времени. Может быть, изюминкой вермахта была высокая подвижность? Если мы попробуем присмотреться к нему, то увидим, что образ высокоманевренной, механизированной армии из тщательно подобранных фрагментов «Дойче Вохеншау» несколько не соответствует действительности. Полностью моторизованные дивизии составляли лишь небольшую часть германской армии. Более 80 % состава вермахта – это пехотные дивизии, передвигавшиеся преимущественно на лошадях. Артиллерийский полк пехотной дивизии вермахта – это 2696 человек личного состава и ни много ни мало 2249 лошадей. По штату в пехотной дивизии в 1941 г. было более 6000 (шесть тысяч!) лошадей. Всего в вермахте в 1941 г. было свыше одного миллиона лошадей, 88 % которых находилось в пехотных дивизиях. О таких масштабах использования гужевого транспорта не мечтал даже Чингисхан.

Немецкие танкисты позируют на танке «Pz.II». Танк даже по меркам конца 1930-х годов не поража́л воображение.

Как ни парадоксально это звучит, Красная Армия на тот момент была моторизована в куда большей степени. В стрелковых дивизиях по штату военного времени № 04/400 механическая тяга использовалась следующим образом. В дивизии было два артиллерийских полка, один на механической тяге, а второй на гужевой. В первом (гаубичном) артиллерийском полку полагалось иметь 48 тракторов «СТЗ-НАТИ» для 122-мм гаубиц и 25 тракторов С-65 «Сталинец» для 152-мм гаубиц. Наконец, в зенитном дивизионе по штату числилось 5 тракторов «СТЗ-НАТИ» для четырех 76-мм зенитных орудий. Один трактор был запасным. Остальные орудия и минометы дивизии транспортировались лошадьми. У немцев, как нетрудно заметить, лошадьми перемещались ВСЕ орудия артиллерийского полка.

Танк «Pz.I» на довоенных учениях вермахта. Иногда утверждается, что «Pz.I» и «Pz.II» были учебными танками из неброневой стали, но это не так – они собирались из полноценных бронелистов высокого качества.

Однако, разумеется, темп марша пехотной и стрелковой дивизий определялся возможностями и выучкой ее пехоты. Перевод артиллерии Красной Армии на механическую тягу был призван лишь сэкономить личный состав – водителей тракторов требовалось меньше, чем коноводов на то же количество орудий. Так или иначе, основная масса войск воюющих сторон состояла из передвигавшейся на своих двоих пехоты. Глубоко ошибочно мнение, что вермахт перемещался только на мотоциклах, автотранспорте или на бронетранспортерах. Такое мнение могло сложиться усилиями советского, и не только советского, кинематографа.

Рация на танке. Одной из попыток объяснить эффективность панцерваффе является, например, пропаганда мифа о радиофикации боевых машин. Якобы немецкие танки были поголовно радиофицированы и поэтому могли эффективнее вести танковый бой. Реально радиостанции в том понимании, которое вкладывают в этот термин сторонники данной версии, то есть приемопередатчики, были у командиров подразделений от взвода и выше. По штату февраля 1941 г. в легкой танковой роте танкового батальона немецкой танковой дивизии приемопередатчики «Fu.5» устанавливались на трех «Pz.II» и пяти «Pz.III», а на двух «Pz.II» и двенадцати «Pz.III» ставились только приемники «Fu.2». В роте средних танков приемопередатчики имели пять «Pz.IV» и три «Pz.II», а два «Pz.II» и девять «Pz.IV» – только приемники [3– P.274]. На «Pz.I» приемопередатчики «Fu.5» вообще не ставились, за исключением специальных командирских «kIPz.Bef.Wg.I».

Танк «Pz.I» где-то на пыльных дорогах блицкрига.

Радиофикация танковых войск РККА в 1941 г. была не такой уж плохой. Например, в 19-й танковой дивизии 22-го механизированного корпуса, столкнувшейся с немецкими танками 24 июня 1941 г. под Войницей, было 47 танков «Т-26» однобашенных радиийных, 75 «Т-26» однобашенных линейных, 6 танков «БТ-7» линейных, 6 «БТ-7» радиийных, 14 танков «БТ-5» линейных, 3 «БТ-5» радиийных, 5 «БТ-2» пулеметных (без радиостанций)¹. Если мы возьмем брутто-цифры по всем западным округам, то на 22 июня в них числилось 1993 танка «Т-26» однобашенных линейных, 1528 «Т-26» однобашенных радиийных, 1499 танков «БТ-7» линейных, 1212 «БТ-7» радиийных [4– С.133]. Да, у немцев было больше радиостанций, но доля танков с приемопередатчиками была выше в механизированных корпусах РККА. У французских танков также имелись рации и даже выделенные радисты. Разницы с противниками в радиофикации, переходящей из количества в качество, не наблюдается.

Линейка танков «блицкригов»: «Pz.IV», «Pz.III», в глубине снимка просматриваются «Pz.38 (t)» и «Pz.II». «Троек» и «четверок» в 1939–1940 гг. было просто мало, хотя и они не поражали характеристиками.

Радиосвязь 1940-х годов была еще несовершенна, и эффективность ее использования оставляла желать лучшего. Часто атмосферные помехи делали работу радиосвязи между частями и соединениями просто невозможной. Так в журнале боевых действий 3-й танко-

¹ ЦАМО РФ. Ф.3018. Оп.1. Д.11. Л. 189. Данные на 10 июня 1941 г.

вой группы Гота можно обнаружить, например, такую запись за 4 июля 1941 г.: «Состояние атмосферы делает практически невозможной связь в дивизиях. Штаб танковой группы получает мало донесений и основывается главным образом на данных авиаразведки VIII авиакорпуса». Аналогичные жалобы на перебои в работе радиосвязи достаточно часто встречаются в оперативных документах соединений и объединений немецких танковых войск. Все это не мешало эффективному наступлению, т. е. радиосвязь не являлась ключевым элементом блицкрига. Даже без нее колесики германской военной машины продолжали вращаться.

Пикирующий бомбардировщик «Ю-87» на показе Эрнсту Удету. Перед самолетом лежат 250-кг бомбы.

Обойденная «линия Мажино». Осознание ограниченных возможностей «панцеров» и «штук» заставляло придумывать рациональные объяснения крупным успехам Германии 1939–1941 гг. Если преодоление обычной полевой обороны силами «панцеров» и «штук» еще было понятно на бытовом уровне, то преодоление линий бетонных ДОТов на «Pz.I» и «Pz.II» представлялось невероятным. Соответственно разгром союзников в кампании 1940 г. часто представляется за счет обхода линии укреплений на франко-германской границе. Они были известны под названием «линия Мажино» и закрывали южный участок границы Германии и Франции. Считается, что линия была построена с роковой ошибкой – не был прикрыт северный участок границы, через который, собственно, и прорвались немцы. Никакой роковой ошибки, разумеется, не было. Задачей «линии Мажино» было... направить немецкое наступление во Францию по маршруту плана Шлиффена 1914 г., то есть через страны Бенилюкса. «Линию Мажино» можно назвать построенной под девизом высказывания Клаузевица: «Располагаясь за сильными укреплениями, мы заставляем противника искать решение в другом месте». Необходимость прорывать сильные укрепления должна была, по идее строителей линии, заставить немцев выбрать обходной маршрут. Это позволило бы союзникам довольно точно просчитать действия противника и навязать ему сражение в Бельгии.

Однако в действительности в мае 1940 г. немцы прорывали линию Мажино под Мобежем, Седаном, было взято укрепление Ла-Фер. Наибольшую известность получил прорыв через «продолжение» «линии Мажино» в Арденнах. 13–14 мая 1940 г. это было сделано XIX танковым корпусом Гудериана, форсировавшим Маас у Седана. Конечно, укрепления «продолжения» были слабее, но это были полноценные бетонные ДОТы. Бомбардировка укреплений «штуками» имела в лучшем случае моральный эффект, потери французской пехоты от нее были незначительными. Немцам удалось форсировать реку и взять штурмом ДОТы

силами специально подготовленных саперных частей и пехоты. Только благодаря этому удалось закрепиться, навести понтонный мост и пропустить по нему пресловутые «пантеры».

Причем если корпус Гудериана активно поддерживался авиацией, то следовавшая параллельным маршрутом пехота получала куда меньше самолето-вылетов люфтваффе. 17 мая 1940 г. два 210-мм орудия открыли огонь по небольшому укреплению Ла-Фер. 18 мая два каземата с 75-мм пушками были оставлены своими гарнизонами. Немецкие штурмовые группы начали пробивать себе дорогу в глубь укреплений. Здесь любопытно отметить два фактора, повлиявшие на успех немцев. Во-первых, немецкие саперы и пехотинцы активно использовали воронки от снарядов и бомб, чтобы подобраться к бетонным казематам. Во-вторых, французские укрепления «продолжения» «линии Мажино» не располагали 50-мм минометами для осыпания минами окружающего пространства, в том числе воронок. Соседнее укрепление Ле Шен попыталось поддержать защитников Ла-Фер огнем 75-мм орудий, но казематы находились слишком далеко, чтобы огонь был сколь-нибудь эффективным. Немецкие штурмовые группы взбирались на укрепления и уничтожали их зарядами взрывчатки. К концу дня 19 мая все укрепление Ла-Фер было захвачено, и немцам была открыта дорога в глубь Франции. Между 20 и 23 мая были один за одним уничтожены четыре укрепления Мобежа.

Один из «отцов» германских танковых войск – Гейнц Гудериан.

Последний удар по «линии Мажино» был нанесен в июне 1940 г. в ходе операций «Тигр» и «Медведь». Против укреплений применялись 420-мм артиллерия, удары пикирующих бомбардировщиков, штурмовые группы. В целом можно сказать, что «линия Мажино» была хотя и с трудом, но прорвана немцами в нескольких местах. Не менее драматичные события разворачивались в Бельгии. Многим хорошо известен захват форта Эбен-Эмаэль парашютистами. Действительно, 10 мая 1940 г. парашютисты на 40 планерах приземлились на крышу форта Эбен-Эмаэль и заставили гарнизон капитулировать подрывомкумулятивных зарядов на куполах и башенках форта. Однако эта акция отвлекла внимание общественности от куда более важных событий. С 10 до 15 мая 1940 г. шло сражение между штурмовыми группами пехотинцев и гарнизоном форта Обин-Нефшато. С помощью 305-мм и 355-мм орудий был разрушен форт Баттис, капитулировавший 22 мая. Опыт Вердена не прошел даром. Форты во Вторую мировую войну уже не были непреодолимым препятствием для армии, получившей опыт позиционной борьбы на Западном фронте в 1914–1918 гг.

Однако для нашего исследования важен факт, что в прорыве через «продолжение» «линии Мажино» ключевую роль сыграли штурмовые группы саперов и пехоты, а не танки и пикировщики.

«**Линия Сталина**» Не стали препятствием для блицкрига и укрепления «линии Сталина». Надо сказать, что о «линии Сталина» чаще всего несли еще большую ахинею, чем о «линии Мажино». Так, в статье полковника К. Черемухина в «Военно-историческом журнале» утверждалось, что укрепрайоны на старой границе не только оказались разоружены с переносом границы на запад, но и «большая часть сооружений была засыпана землей»². В дальнейшем версия об уничтожении укреплений получила свое развитие. В интерпретации диссидента П. Г. Григоренко звучала так: «Им [укрепрайонам. – *А.И.*] уготована была иная судьба. Их взорвали, не дав сделать ни одного выстрела по врагу». Вероятно, Григоренко краем уха слышал о взрыве укреплений «линии Маннергейма» и спроецировал это событие на «линию Сталина».

Разумеется, были и более взвешенные мнения. Ведущий советский историк начального периода войны В. А. Анфилов писал, что противнику удалось прорвать оборону Новоград-Волынского УРа «на узком участке фронта, при поддержке бомбардировочной авиации». Никаких подробностей, как правило, не сообщалось, несмотря на большое значение этого прорыва для развития событий на Юго-Западном фронте. В своих мемуарах бывший начальник оперативного отдела штаба фронта И. Х. Баграмян писал:

«Лишь вечером [7 июля. – *А.И.*] поступило первое донесение [...] о том, что фашистские танковые и моторизованные части прорвались у Нового Мирополя и устремились на юго-восток. Еще позже мы узнали, что они вошли в Бердичев. Когда Пуркаев доложил об этом Кирпоносу, тот с горечью воскликнул:

– Дорого нам обойдется этот прорыв!»

Действительно дорого обошедшийся прорыв (надежды удержаться на линии старой границы рухнули в один момент) обходился молчанием или же авторы исторических и публицистических работ отделывались общими словами, а то и сомнительными утверждениями. Так в написанном на излете существования Советского Союза достаточно откровенном труде «1941 год – уроки и выводы» утверждалось, что противник «вышел к Новоград-Волынскому укрепрайону и, обойдя его с севера и юга, начал наступление на Киев»³.

В 1990-е с открытием в России архивов окутывавший многие события туман войны стал рассеиваться. Не всегда открытия были комплиментарными и приятными. Было опубликовано донесение НКВД в ГКО от 17 августа 1941 г., в котором звучали обидные слова: «3 июля командующий Юго-Западным фронтом приказал 199-й стрелковой дивизии к утру 5 июля занять и прочно удерживать южный фас Новоград-Волынского укрепрайона. [...] После занятия района обороны командование дивизии не произвело разведку сил противника, не приняло мер к взрыву моста через р. Случь на данном участке обороны, что дало возможность противнику перебросить танки и мотомехпехоту...» Далее в документе обвинялось командование 199-й дивизии.

² Черемухин К. Об одной фальшивой версии // Военно-исторический журнал, 1961, № 9. С.120.

³ 1941 год – уроки и выводы. М.: Воениздат, 1992. С.124.

Верховный главнокомандующий польской армией маршал Эдвард Рыдз-Смиглы.

Казалось бы, ответ найден. Правда, его сияющая четкость несколько затенялась тем фактом, что командир 199-й дивизии не был арестован и даже расстрелян. Т. е. обвинения не получили практического продолжения. Однако добросовестность историка заставила обратиться за дополнительными подтверждениями к немецким документам. Так в ЖБД 11-й танковой дивизии прорыв через укрепрайон описан следующим образом:

«Боевая группа Ангерн в 2 часа ночи [5 июля. – *А.И.*] выходит авангардом к Новому Миropolю и ночью перегруппировывается для атаки на город. В дальнейшем она втянута в упорные бои в западной части города. Хотя предотвратить взрыв мостов русскими не удастся, противник вынужден бросить значительную часть своих частей и обозов на западном берегу. Несмотря на упорное сопротивление, эти части опрокинуты и уничтожены танками. В 8 часов утра удастся небольшими силами захватить железнодорожный мост южнее Нового Миropolя. Продолжать наступление здесь пока невозможно, поскольку противник занял здесь очень умело расположенные и хорошо замаскированные в лесах ДОТы»⁴.

⁴ NARA T315 R2320 frame 34.

Польские танкетки «ТК-3» на довоенном параде в Кракове. В 1939 г. они имели уже достаточно условную боевую ценность.

Во-первых, не вполне подтверждаются обвинения НКВД о невзорванном мосту. Мост на основной магистрали был все же взорван. Во-вторых, как выясняется, немецкие части вышли к Новому Миropolю еще до назначенного командованием времени занятия обороны 199-й стрелковой дивизии, в ночь с 4 на 5 июля 1941 г. Соответственно планомерный выход и закрепление на позициях в УРе оказались сорваны. Подходящие к Новому Миropolю с востока части 199-й стрелковой дивизии подверглись утром 5 июля жестокой бомбардировке с воздуха. Одновременно следует признать, что «паническое бегство» частей 199-й стрелковой дивизии не просматривается – группе Ангерна было оказано серьезное сопротивление. Укрепрайон под Новым Миropolем был именно прорван, а не обойден или пронизан внезапным ударом.

Куда более тяжелым для немцев был прорыв правого фланга Новоград-Волынского укрепрайона, где советская пехота успела занять оборону. Командир корпуса Э. фон Маккензен описал прорыв кратко, но емко: «Гульск был захвачен в ходе тяжелого боя за укрепления. Одновременно была форсирована река, захвачен плацдарм и уже 8 июля была достигнута «панцерштрассе» восточнее укреплений»⁵.

Следует отметить, что в свете приведенных данных оказываются совершенно не обоснованы утверждения о прорыве немцев через незанятые укрепления. В истории 13-й танковой дивизии прямо указывается, что «предположение дивизии, что бункеры были заняты слабыми силами, опровергалось результатами разведки»⁶. В ЖБД 1-й танковой группы отмечалось: «Противник на линии ДОТов оборонялся исключительно упорно. Каждый ДОТ приходилось штурмовать».

В ЖБД 14-й танковой дивизии бои за «линию Сталина» под Новоград-Волынским 7 июля оцениваются как исключительно тяжелые: «В 15.15 стрелковые батальоны начали наступление на широком фронте. Русские подпустили атакующих на минимальную дистанцию, после чего открыли настолько мощный оборонительный огонь, какой мы еще не встречали в этой войне. Тем не менее, батальоны продолжали атаку и в 18.00 с тяжелыми боями вышли авангардами почти к западной и юго-западной окраинам Звяхеля»⁷. При этом подчер-

⁵ Mackensen Eberhard von. Vom Bug zum Kaukasus, Das III. Panzerkorps im Feldzug gegen Sowjetrußland 1941/42. Neckargemünd. Kurt Vowinkel Verlag. 1967. S.12.

⁶ Hake Friedrich von. Der Schicksalsweg der 13. Panzer-Division 1939–1945, Traditionsverband e.V. der ehem. 13. Pz.Div., München 1971. S.58.

⁷ NARA T315 R 656 frame 71.

кивалось, что поддержка люфтваффе «была осуществлена лишь наполовину, так что ожидаемого облегчения не наступило». Взаимодействие с ВВС оценивается в ЖБД 14-й танковой дивизии невысоко, что противоречит высказываниям о прорыве Новоград-Волынского УР при эффективной поддержке авиации. Прорыв обошелся недешево: потери 14-й танковой дивизии резко возросли в период прорыва «линии Сталина», с 6 по 11 июля она потеряла сразу 1372 человека⁸.

Брошенный на дороге польский двухбашенный танк «7ТР» ранних серий.

Нельзя сказать, что прорыв через Новоград-Волынский УР является уникальным. Немецкие танковые соединения прорывались через ДОТы под Минском, Островом (на границе с Прибалтикой). Локальной неудачей стала попытка прорыва Полоцкого УРа, однако она не меняет общей картины. При этом «панцер» и «штука» представляются слабым объяснением этих прорывов. Залогом успеха стали штурмовые действия пехоты и использование артиллерии всех типов.

Итак, одно объяснение есть. Прорыв укреплений немцами в немалой степени опирался на опыт Первой мировой войны и строился на тактике штурмовых действий пехоты. Обученная соответствующим образом пехота в механизированных соединениях помогала немцам пробиваться через «линию Мажино», «линию Сталина» и менее известные укрепления.

⁸ NARA T313 R15 frames 7241704, 7241700.

«Pz.I» на дорогах блицкрига в Польше. В 1939 г. немецкие танки обозначались белым крестом, облегчавшим прицеливание польским наводчикам противотанковых пушек.

«Спящие» аэродромы. Одним из важных компонентов блицкрига было завоевание господства в воздухе. Достигалось оно, в частности, ударами по аэродромам. Усилиями публицистов создан «светлый» образ раннего утра 22 июня 1941 г. как побудки идиотов: налетают немцы, и аэродром превращается в море огня. Выскочившим в исподнем летчикам остается только грустно смотреть на свои уничтоженные машины. Однако этот образ совершенно не соответствует действительному положению дел.

Одной из характерных черт воздействия немецкой авиации на советские аэродромы была последовательность, упорство в достижении поставленной задачи. Советские аэродромы методично обрабатывались в течение всего дня 22 июня 1941 г., немецкие летчики сумели организовать безостановочный конвейер ударов. И этот расчет оказался правильным, плана рассредоточения у ВВС РККА попросту не было. Не было и технической возможности сменить вскрытую немецкой разведкой систему базирования советских ВВС. Дело в том, что весной 1941 г. на аэродромах военно-воздушных сил Красной Армии было развернуто строительство бетонных взлетно-посадочных полос. Вследствие этого значительная часть аэродромов по состоянию на 22 июня 1941 г. для производства полетов была непригодна.

Брошенный французский легкий танк «Н-35» («Гочкис-35»).

Удары по аэродромам в первый день войны были для люфтваффе очень сложной, потребовавшей огромных усилий и стоившей значительных (в сравнении с последующими днями) потерь акцией. При этом, несмотря на большие потери, советские ВВС (особенно на юго-западном направлении) сохранили боеспособность и в дальнейшем сыграли важную роль в Приграничном сражении. Господство в воздухе ударами по аэродромам достигнуто не было, если его понимать не как жалобы сухопутных войск на воздействие авиации противника, а как воспреещение действий ВВС противника при полной свободе действий собственной авиации. Жалобы на действия ВВС РККА можно легко найти в немецких источниках, причем в максимально жесткой форме.

Например, в ходе боев на Украине в июне 1941 г. 11-я танковая дивизия вышла к городку Острог. Против прорвавшейся танковой дивизии была брошена авиация. В донесении штаба ВВС Юго-Западного фронта говорилось: «В течение всего дня 28 июня 1941 г. ВВС ЮЗФ главным образом действовали по механизированным частям противника, сосредоточенным в районе Острог, Мизочь, Варковичи. Несмотря на то что в этом районе находились крупные мотомехчасти противника, они были искусно замаскированы, и, для того чтобы их вскрыть, летному составу пришлось летать на бреющем полете. Всего произведено в этот район более 400 самолето-вылетов. Потери: 5 самолетов в воздушном бою. Авиация противника в течение всего дня в указанном районе действовала неинтенсивно. Ввиду того что мехчасти противника были сосредоточены на небольшом участке, они понесли большие потери». 400 самолето-вылетов по довольно ограниченному пространству на линии Острог – Мизочь – Варковичи (всего около 40 км) произвели на личный состав 11-й танковой дивизии неизгладимое впечатление: «Начавшийся среди ночи дождь давал надежду на то, что на сегодняшний день ожидается уменьшение воздушной деятельности русских. Не тут-то было. На рассвете дождь закончился, и сразу же появились советские самолеты, которые непрерывно атаковали части 11-й танковой дивизии, державшей в течение всего дня путь на Острог. [...] Чтобы избежать длительного обстрела с воздуха, танковые экипажи пытались защитить себя таким образом: рыли канавы, по которым потом проезжали их хорошо замаскированные танки. [...] Неоспоримо было то, что советский противник, по меньшей мере здесь, имел **абсолютное господство в воздухе** (выделено мной. – *А.И.*)» [10– S.133].

Нельзя сказать, что такая ситуация была чем-то из ряда вон выходящим. Разумеется, есть примеры тесного взаимодействия и настоящего избиения пытающихся атаковать механизированные колонны советских самолетов. Но и потеря надежного прикрытия при прорыве в глубину была обыденностью. В ЖБД XXXXI корпуса 4-й танковой группы указывалось: «Бои на плацдарме Остров становятся более ожесточенными. Вражеская авиация, которая энергично и успешно вмешивается в наземные бои, в настоящее время однозначно господствует в воздухе»⁹.

Действительно, за утро 5 июля 1941 г. (к которому относится это донесение) отсутствуют даже заявки на сбитые советские самолеты в районе Острова. При этом нельзя сказать, что «Me-109» базировались где-то далеко в тылу. Все три группы истребительной эскадры JG 54 на тот момент базировались на аэродромах в районе Двинска (Даугавпилса). Скорее всего, причиной отсутствия «воздушного зонтика» были проблемы взаимодействия с наземными войсками либо какие-то технические проблемы. Вырвавшиеся вперед моторизованные части были вынуждены отражать воздушные атаки в основном зенитным огнем.

Ситуация повторилась буквально через считанные дни. В ЖБД XXXXI корпуса в записи от 14 июля 1941 г. вновь указывалось: «Угрожающее положение, в котором находятся сла-

⁹ NARA T314 R979 frame 341.

бые силы 6-й тд на плацдарме из-за постоянных бомбежек противника, заставляет командира корпуса позвонить командующему ТГр. Он подчеркивает, что если до конца дня господство противника в воздухе не прекратится, корпус не сможет гарантировать удержание плацдарма»¹⁰. На этот раз «сталинские соколы» бомбили немецкие части, захватившие плацдарм на реке Луге, вклинившись в оборону Лужского рубежа на дальних подступах к Ленинграду.

Попытки объяснить поражение французов totally сломавшимися танками не выдерживают критики. На этой машине отчетливо видны пробоины

Таким образом, немецкие танковые соединения действовали отнюдь не в тепличных условиях, регулярно оказываясь без пресловутых «штук» и «мессершмиттов» в качестве поддержки с воздуха. Тем не менее немецкие танки, включая достаточно посредственные для своего времени «Pz.I», «Pz.II», «Pz.35» (t) и «Pz.38» (t), дошли до стен европейских столиц. В чем же секрет?

Циклопических размеров танки не принесли удачу Франции. Немецкий солдат осматривает подорванный экипажем тяжелый танк «2С».

¹⁰ NARA T314 R979 frame 389.

Инструмент блицкрига. Сами по себе «панцеры», то есть германские танки, не давали однозначного ответа на вопрос о причинах успехов германских войск. Во Франции в 1940 г. противниками немецких танкистов были средние танки «Сомуа S-35» и тяжелые танки «В1bis», превосходившие наиболее совершенные на тот момент немецкие танки «Pz.III», «Pz.IV» по бронированию и возможностям орудия. В СССР в 1941–1942 гг. танковые войска Красной Армии имели на вооружении значительное количество «Т-34» и «КВ», обладавших над немецкими танками подавляющим превосходством по измеряемым в миллиметрах и километрах величинам. Значительную часть танкового парка вермахта в период самых громких побед 1939–1941 гг. составляли легкие танки «Pz.I» и «Pz.II». Второй загадкой является отсутствие количественного превосходства, которое могло бы хотя бы теоретически компенсировать недостатки техники. Например, 1 мая 1940 г. в составе германской армии было 1077 «Pz.I», 1092 «Pz.II», 143 «Pz.35» (t), 238 «Pz.38» (t), 381 «Pz.III», 290 «Pz.IV» и 244 вооруженных только макетами орудий и пулеметами командирских танка. Французская армия имела 1207 легких танков «R-35», 695 легких танков «H-35» и «H-39», примерно по 200 танкеток «AMC-35» и «AMR-35», 90 легких «FCM-36», 210 средних «D1» и «D2», 243 средних «Сомуа S-35», 314 тяжелых «В1» различных модификаций. Если вывести танки противников одной толпой на огромное поле, то теоретически французские машины расстреляют своих немецких оппонентов без особых затруднений. Однако, как мы знаем, в реальности этого не произошло, хотя эпизоды успешных избиений «панцеров» имели место. Многим известна фамилия французского танкового аса капитана Бийота, расстрелявшего полтора десятка немецких танков на улицах деревеньки Стонне в мае 1940 г.

Немецкие пехотинцы у ДОТа «линии Мажино». Германская армия в 1940 г. получила не только опыт операций механизированных соединений, но и опыт штурма долговременных укреплений.

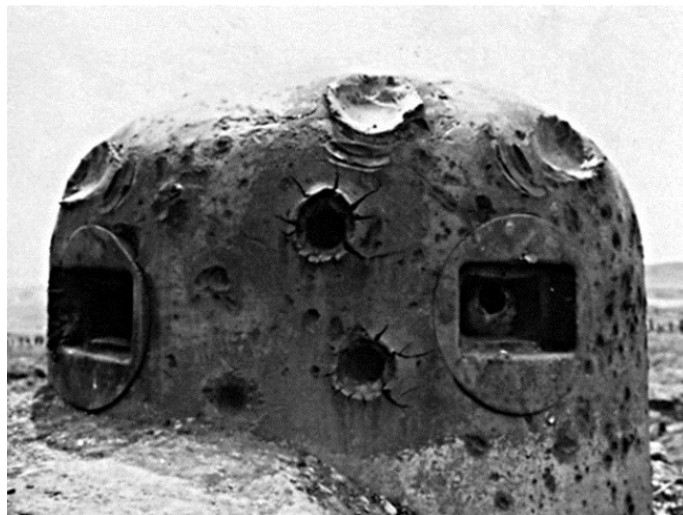
Разница между немецкими и французскими вооруженными силами была не в качестве техники, а в организационных структурах, эту технику объединявших. В середине 30-х в Германии был разработан принципиально новый организационно-штатный механизм для использования танков, который стал своего рода «мечом-кладенцом» вермахта в кампаниях 1939–1942 гг. Первый шаг к этому «мечу-кладенцу» был сделан 12 октября 1934 г., когда в Германии была завершена разработка схемы организации первой танковой дивизии. На этой схеме впервые появились элементы, ставшие характерными чертами дивизий, дошедших до Дюнкерка и Кавказа. Она должна была состоять из двух танковых полков, полка мотопехоты, батальона мотоциклистов, разведывательного батальона, батальона истребите-

лей танков, артиллерийского полка, тыловых и вспомогательных частей. 18 января 1935 г. инспектор моторизованных войск генерал Лютц выпустил приказ на формирование трех танковых дивизий. Этот день можно условно считать датой рождения нового механизма ведения войны. Соединения нового типа должны были быть сформированы к 1 октября 1935 г. Они должны были комплектоваться жалкими «Pz.I» с двумя пулеметами, но на свет появилось сооружение, способное на нечто большее, чем просто взлом обороны противника. Вместо «Pz.I» могли быть хоть автомашины, зашитые фанерой под танки. Произвести танки и наполнить форму соответствующим содержанием было уже делом техники и времени. Главное – новаторская идея использования танковых войск – уже было в наличии.

«Капля долбит камень не силой, но частотой падения...» – толстая броня колпаков «линии Мажино» раскалывалась после множества попаданий.

В чем же была суть новшества? Создание организационной структуры, включающей танки, моторизованную пехоту, артиллерию, инженерные части и части связи, позволяло не только осуществлять прорыв обороны противника, но и развивать его вглубь, отрываясь от основной массы своих войск на десятки километров. Танковое соединение становилось в значительной мере автономным и самодостаточным. Это позволяло ему вести бой с резервами противника, захватывать важные пункты в тылу самостоятельно, не ожидая подхода пехотных дивизий и сопровождающих их полков артиллерии. Взорванный мост на своем пути танковая дивизия могла восстановить с помощью моторизованного понтонного батальона или даже сборного металлического моста. Саперные части дивизии могли снять минные поля, разрушить заграждения. Артиллерия позволяла на равных вести артиллерийскую дуэль с встретившимися на пути резервами противника. Наконец, пехота могла помочь удерживать захваченный в глубине обороны пункт, препятствуя отходу окружаемых корпусов и дивизий или подготавливая плацдарм для дальнейшего наступления. Танковые соединения теперь не просто должны были взломать фронт обороны противника быстрее, чем он подтянет достаточно резервов для «запечатывания» прорыва, они должны были сотрясти всю систему обороны, став средством проведения операции на окружение с решительными целями. Теперь классический «кессельшлагт» (буквально – «котельная битва», операция на окружение) станет визитной карточкой вермахта, повторяясь на разных театрах военных действий по схожей схеме.

Исхлестанный снарядами 88-мм пушек бронеколпак «линии Мажино».

Танки становились стратегическим средством борьбы. Теперь появилась возможность реализации на практике «философского камня» военного искусства, проведение молниеносной войны против сильного противника. Окружив и уничтожив с помощью нового инструмента крупную группировку противника, немцы тем самым вынуждали его латать пробитый фронт, растягивать войска и расходовать резервы, чтобы оказаться жертвами новых «кессельшлахтов» и в конце концов пасть жертвой стратегии блицкрига.

Батарея 105-мм легких полевых гаубиц «leFH18» на гужевой тяге.

В сентябре 1939 г. история дала Германии уникальный шанс обкатать еще сырой механизм на заведомо слабом противнике – Польше. В 1939 г. организационная структура танковой дивизии вермахта еще окончательно не сложилась. Наиболее распространенной организацией была двухполковая танковая дивизия. Она состояла из танковой бригады (два танковых полка по два батальона каждый, около 300 танков, 3300 человек личного состава), моторизованной пехотной бригады (моторизованный пехотный полк, примерно 2000 человек), мотоциклетного батальона (850 человек). Общая численность личного состава дивизии была примерно 11 800 человек. Артиллерия дивизии состояла из шестнадцати 105-мм легких полевых гаубиц «leFH18», восьми 150-мм тяжелых полевых гаубиц «sFH18», четырех 105-мм пушек «K18», восьми 75-мм легких пехотных орудий, 48 противотанковых пушек. Такую организацию имели пять немецких танковых дивизий, с 1-й по 5-ю. Помимо этого, в вермахте были именная танковая дивизия «Кемпф» и 10-я танковая дивизия, имевшая один

танковый полк двухбатальонного состава. Промежуточное положение между этими двумя полюсами занимала 1-я легкая дивизия, состоявшая из трех танковых батальонов. Наконец, последней формой организации танковых войск вермахта были так называемые легкие дивизии, имевшие всего один батальон танков. Соответственно боевая сила их была достаточно скромной – например, в 4-й легкой дивизии было 34 «Pz.I», 23 «Pz.II» и пять командирских танков.

105-мм гаубицы «leFH18» на гужевой тяге на марше.

Действительно новаторским решением, создавшим предпосылки для проведения операций в стилистике блицкрига, стало оснащение танковой дивизии уже на ранних стадиях ее существования сильной артиллерией механической тяги. Буксируемые скоростными тягачами орудия могли двигаться за наступающими танками и по мере надобности разворачиваться и поддерживать танки огнем. Важнейшей задачей артиллерии танковой дивизии являлось подавление противотанковой обороны противника. С закрытых позиций, будучи невидимыми для противотанкистов, гаубицы танковой дивизии вермахта могли обработать наспех (или даже не наспех) занятую оборону противника и обеспечить тем самым успешную танковую атаку. Самое главное – такая атака могла проводиться уже в глубине обороны противника, в процессе столкновения с его резервами, уже после прорыва фронта. Развернув артиллерию, подавив оборону и довершив дело танковым ударом, немецкие механизированные соединения срывали восстановления фронта после прорыва. Все это вместе делало танковую дивизию весьма многочисленной в отношении транспорта всех типов. Так, например, 9-я танковая дивизия (вошедшая в состав 1-й танковой группы) по состоянию на 22 июня 1941 г. насчитывала 1424 мотоцикла, 1015 легковых автомобилей, 2432 грузовых автомобиля и 219 артиллерийских тягачей.

Тягачи как опора блицкрига. Один из ключей к грядущим успехам начал создаваться в Германии еще в веймарский период, причем в отличие от танков совершенно открыто. Когда в 1926 г. инженер Генрих Книпкамп, будущий изобретатель подвески с шахматным расположением катков немецкой техники, пришел в управление вооружений, первым делом он провел закупки немецких, американских и английских тракторов. Его задачей была механизация германской артиллерии. После трех лет испытаний немецких и иностранных тракторов были сформулированы требования к артиллерийскому тягачу. Первой же строчкой шло требование «буксировать груз в 8 тонн по плохой дороге с максимальной скоростью 50 км/ч». Рассматривались колесные, гусеничные и полугусеничные машины. Проведенные в 1932 г. испытания показали превосходство полугусеничной машины, как ее тогда называли «на 3/4 гусеничная». С самого начала 8-тонный тягач нацеливался на использование с перспективной 150-мм гаубицей. Основным его разработчиком стала фирма «Краус-Маффей». Тягач «Краус-Маффей KMZ100» еще в 1933 г. получил все характерные черты немецких

скоростных тягачей: резиновые подушки траков для езды по шоссе, шахматную подвеску. Столь рано начатая разработка привела к нужному результату: вермахт получил скоростной тягач. Причем была разработана целая линейка полугусеничных тягачей разных типов. Это позволило вооружить артиллерийский полк танковой дивизии двадцатью четырьмя 105-мм легкими полевыми гаубицами и двенадцатью 150-мм тяжелыми полевыми гаубицами. Также немцы располагали скоростными тягачами для артиллерии усиления, что позволяло придавать подвижным соединениям орудия 150–210-мм калибра и даже 240-мм орудия особой мощности.

Здесь следует сказать, что противники Германии не уделяли до войны должного внимания артиллерийской и мотопехотной компоненте танковых войск. Англичане строили свои танковые дивизии исходя из теоретического предположения о грядущих массовых боях танков против танков. Артиллерийская компонента при этом носила рудиментарный характер. Английская танковая дивизия объединяла две танковые бригады по три полка каждая (в сумме 330–340 танков, каждый британский танковый полк примерно соответствовал немецкому танковому батальону) и так называемую «группу поддержки» с 25-фунтовыми пушками, противотанковыми пушками и всего двумя батальонами мотопехоты.

Схожая картина наблюдалась в танковых соединениях Франции и СССР. В итоге немцы получили преимущество, в том числе в столкновениях с механизированными соединениями противника. Встретив сопротивление в ходе наступления, немцы «размягчали» оборону артиллерийским ударом, а затем добивали ее ударом танков, с вводом в бой обученных штурмовым действиям пехотинцев. Это давало возможность не терять темп и не давать противнику опомниться.

Механизация артиллерии Красной Армии в отношении скоростных тягачей серьезно отставала от вермахта. По штату артиллерийский полк советской танковой дивизии имел двенадцать 122-мм и двенадцать 152-мм гаубиц – вполне сравнимое с артполком немецкой танковой дивизии количество орудий. Однако полагавшиеся артполкам мехсоединения по штату 122-мм гаубицы «М-30» и 152-мм гаубицы «М-10» должны были буксироваться тракторами «СТЗ-5». Они обеспечивали среднюю скорость движения с прицепом по шоссе 14 км/ч, а по грунтовым дорогам – 10 км/ч¹¹. Имеющаяся на вооружении техника, которая вынужденно пошла на формирование мехкорпусов в 1940–1941 гг. (за отсутствием альтернатив), была создана в 1930-х годах под другие задачи. В закрытой работе «Механическая тяга артиллерии в Великой Отечественной войне» приводились выводы комиссии ГШ КА относительно адекватности задействованных в оснащении подвижных соединений тягачей их задачам: «тракторы «СТЗ-5», предусмотренные штатами для артиллерийских частей танковых и мотострелковых дивизий, [...] не обеспечивают их как по скорости движения, так и по мощности двигателя»¹². Все это привело к тому, что советские мехкорпуса проигрывали маневренные сражения немецким подвижным соединениям. Вообще полугусеничный тягач как символ блицкрига, пожалуй, уместнее «Pz.I», «Pz.II» или даже «Pz.III».

Зрелость блицкрига. Первые бои показали недостатки организации танковых дивизий, например беспомощность панцерваффе в самостоятельных действиях у Варшавы. По итогам кампании была начата реорганизация немецких танковых войск, продолжавшаяся с октября 1939 г. по май 1940 г. Организация была упорядочена, теперь не осталось никаких легких дивизий, а танковые войска вермахта были представлены десятью танковыми дивизиями. Шесть из них были четырехбатальонного состава (1–5-я и 10-я), три – трехбатальонного (6–8-я), одна – двухбатальонного (9-я). После разгрома Франции последовала новая

¹¹ Механическая тяга артиллерии в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1957. С.133.

¹² Механическая тяга артиллерии в Великой Отечественной войне. С.34.

реорганизация, в результате которой немецкие танковые войска приобрели тот вид, в котором они осуществляли блицкриг против СССР.

Парадокс блицкрига: немецкая гужевая колонна у брошенного или подбитого «Т-34». Лето 1941 г.

Число танковых дивизий вермахта в результате этой, самой важной, реорганизации было удвоено. Удвоение числа дивизий происходило путем дробления существующих дивизий и создания на базе высвобождающихся танковых полков новых дивизий. Теперь во всех танковых дивизиях вермахта был один танковый полк двух- или трехбатальонного состава вместо двух.

150-мм «гаубица sFH18» на буксире у скоростного тягача – один из реальных инструментов блицкрига.

В значительной степени это была замена количества качеством, то есть уменьшение общего числа батальонов в дивизии компенсировалось количественным и качествен-

ным наращиванием ударных возможностей танковых рот батальонов перевооружением на «Pz.III» вместо «Pz.II». Фактор латания тришкиного кафтана, разумеется, тоже присутствовал. Оптимальной структурой был бы все же трехбатальонный танковый полк. Так что идеальная танковая дивизия была в вермахте в июне 1941 г. единственной. Это была 3-я танковая дивизия XXIV моторизованного корпуса 2-й танковой группы Г. Гудериана. Ее танковый полк состоял из трех батальонов и насчитывал 58 танков «Pz.II», 29 танков «Pz.III» с 37-мм пушками, 81 танк «Pz.III» с 50-мм пушками, 32 танка «Pz.IV» и 15 командирских машин. Дивизии, вооруженные танками чехословацкого производства «35 (t)» и «38 (t)», остались трехбатальонными, но это уже была не оптимизация, а компенсация невысоких характеристик техники ее числом.

Немцы пришли к своему «золотому сечению» организации танковых войск – на 2–3 батальона танков было 4 или 5 (если считать с мотоциклетным) батальона мотопехоты, то есть соотношение танков и мотопехоты было 1:2,5, 1:1,7 в пользу пехотинцев. На 150–200 танков танковой дивизии вермахта приходилось 6 тыс. человек мотопехоты. Это позволяло обеспечивать танки необходимой пехотной поддержкой в атаках на укрепления и в закреплении местности. Укреплялось взаимодействие родов войск за счет формирования немцами так называемых «боевых групп», сочетавших танки, мотопехоту, саперов и артиллерию.

Важнейшим шагом на пути к настоящим блицкригам стало формирование крупных механизированных объединений. Моторизованные корпуса объединялись в танковые группы. Первой танковой группой стала ТГр Клейста в мае 1940 г. во Франции. Танковые группы в том виде, в котором существовали к началу войны с СССР, являлись промежуточной инстанцией между моторизованным корпусом и армией. В танковую группу входило два-три моторизованных корпуса, иногда ей придавались пехотные армейские корпуса. Промежуточное положение между корпусом и армией позволяло подчинять танковые группы полевым армиям, хотя танковые командиры относились к этому скорее отрицательно. Часто группы армий брали управление танковой группой на себя. Численность танковой группы в июне 1941 г. колебалась от 130 до 180 тыс. человек (2-я ТГр Г. Гудериана насчитывала в первые дни войны 182 тыс. человек). Это была огромная масса людей и техники, способная самостоятельно прорываться в глубину обороны на 100–200 км сразу на нескольких направлениях, захватывать важные пункты, в том числе города, и удерживать их до подхода главных сил полевых армий. Ничего равного танковым группам в первой половине войны ни у СССР, ни у его союзников не было.

Еще одно фото «sFH» на буксире у полугусеничного тягача. Именно эти тяжелые орудия прокладывали путь «Pz.I», «Pz.II» и чешским трофеям вермахта.

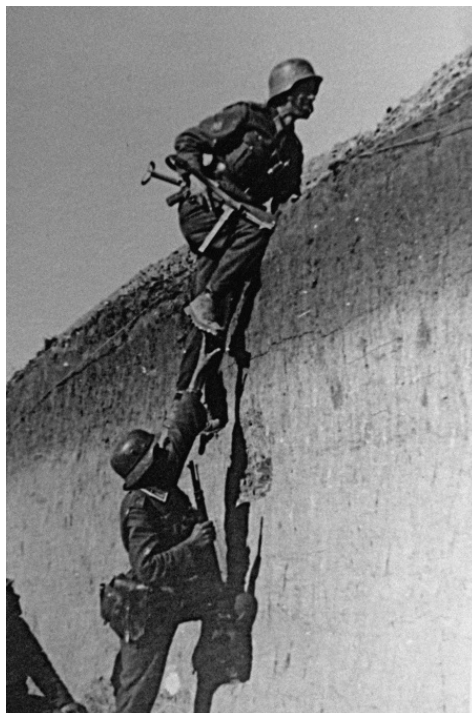
Лекарство от блицкрига. К августу 1941 г. лязгающее слово «блицкриг» означало только смерть и разрушение. Оно устойчиво ассоциировалось с массами танков, появлявшихся словно из-под земли и врывающихся на улицы городов в глубоком тылу сражающихся войск, с заунывным воем пикирующего бомбардировщика «Ю-87» и юркими мотоциклистами, несущимися по пыльным дорогам. Европа столкнулась со всепокрушающей военной машиной, которую с 1939 до 1941 г. никому не удавалось остановить. Устояли перед ударами немцев только отделенные от континента «рвом с морской водой» англичане. Неудачи первых недель войны, без сомнения, оказали шоковое впечатление на руководство страны. Всего за три месяца до этого, 5 мая 1941 г., И. В. Сталин с гордостью говорил на выступлении перед выпускниками военных училищ: «Раньше существовало 120 дивизий в Красной Армии. Теперь у нас в составе армии 300 дивизий. Из общего числа дивизий – третья часть механизированные дивизии». К августу от «механизированных дивизий» остались одни лохмотья. Созданная в 30-х годах современная по тем меркам Красная Армия терпела поражение за поражением. Серебристые «летающие крейсеры» советской империи, «ДБ-3» бесследно исчезали целыми эскадрильями. А бронированные кулаки вермахта, казалось, неуязвимые, двигались дальше и дальше на восток. Вооруженные опытом Вердена и Марны, немецкие пехотинцы взламывали с трудом подготовленные линии обороны, бетонные коробки ДОТов и минные поля.

Сочетание старого и нового. 150-мм гаубица на буксире у полугусеничного тягача обгоняет гужевую колонну вермахта.

В поисках противоядия Сталин, Жуков, Шапошников обратились к уникальному и прошедшему не замеченным для Европы опыту Гражданской войны 1918–1920 гг. Читатель спросит: «Какое отношение рейды Первой конной и бои бронепоездов имеют к отражению танковых клиньев?» Танки, «штуки» и мотоциклисты были лишь инструментом. Со стратегической точки зрения блицкриг, «молниеносная война», представлял собой поиск решения стратегических задач на уровне стрелочек на карте, планов операций. Не имея возможности вести длительную войну на истощение, немцы постоянно искали возможность быстрого сокрушения противника. В гитлеровской Германии эта идея выкристаллизовалась в концепцию уничтожения армии противника быстрее, чем жертва сможет поставить под ружье всех, кто способен держать в руках оружие. Польша в сентябре 1939 г. перестала существовать, несмотря на то что в ней оставалось еще более миллиона человек призывного возраста. Францией в 1940 г. также не были исчерпаны людские резервы к моменту капитуляции. Обе страны не смогли создать устойчивого фронта из новых дивизий взамен разгромленных у границ. Те люди, которые могли сражаться в составе этих новых дивизий, позднее стали

бойцами движения «Сопротивления» и гибели под гусеницами немецких танков в Варшавском восстании.

Немецкие горные егеря карабкаются на советский ДОТ. Штурмовые действия пехоты стали средством преодоления линий долговременных укреплений вермахтом.

По такой же модели предполагалось развитие событий в СССР. Разработчик «Барбароссы» Ф. Паулюс считал, что в Советском Союзе «большие людские резервы из-за недостатка в командных кадрах и материального снабжения не смогут быть полностью использованы». В случае войны, по мнению Верховного командования сухопутных войск, Советский Союз мог в принципе отмобилизовать 11–12 млн. человек, однако нехватка командных кадров и техники не позволит ему сделать это. Реальной считалась мобилизация 6,2 млн. человек. Предполагалось, что СССР выставит 107 дивизий первой волны, 77 второй и 25 третьей, то есть всего 209 дивизий. План «Барбаросса» предполагал разбить эти дивизии каскадом следовавших одна за другой операций на окружение.

Однако опыт Гражданской войны позволил советскому руководству опрокинуть эти расчеты. 1918–1920 гг. мало что дали с тактической точки зрения, но оказались совершенно бесценными с точки зрения стратегии. В условиях хаоса, разрухи и совершенно деградировавшей к моменту безвременной кончины Российской империи транспортной системы в стране работала промышленность и существовала пятимиллионная армия, удерживавшая фронт колоссальной протяженности. В Красную Армию призывали военнообязанных контролируемых большевиками областей, наспех обучали, вооружали и вполне успешно противостояли созданными таким образом соединениями офицерским частям Белой армии. Это дало новый толчок для анализа опыта России и других стран – участниц Первой мировой войны и создания советской военной школой теории «перманентной мобилизации». Согласно этой теории, формирование новых дивизий не заканчивается по завершении развертывания кадровой армии, а является непрерывным процессом. Одни дивизии окружаются, уничтожаются, просто несут потери, а другие тем временем формируются, обучаются и едут на замену первых.

Немецкая 210-мм гаубица «Moerser 18» на марше. Полугусеничные Германии в куда большей степени достойны считаться символом блицкрига, чем «Pz.I» и «Pz.II».

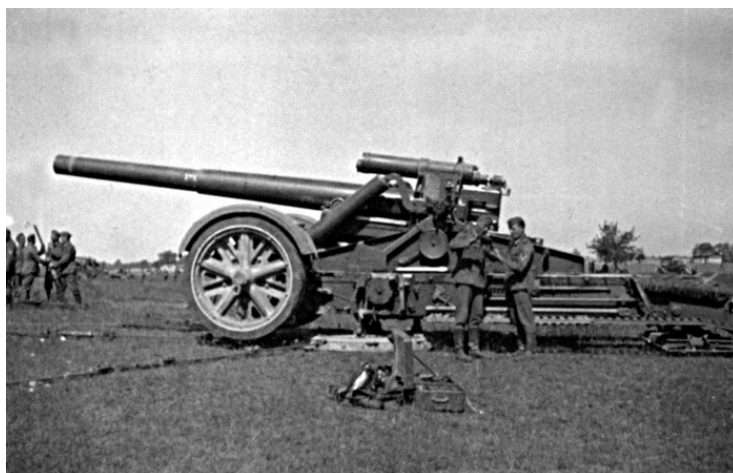
Напрямую в довоенные планы Красной Армии теория «перманентной мобилизации» не закладывалась. Напротив, ее хотели избежать, и в февральском 1941 г. мобилизационном плане вообще не предусматривалось формирования новых соединений после начала боевых действий. Однако после осознания проигрыша Приграничного сражения в СССР вспомнили о стратегии Гражданской и запустили конвейер создания новых дивизий и армий. По приказу Ставки ВГК от 29 июня 1941 г. началось формирование 15 стрелковых дивизий за счет пограничников, по постановлению Государственного комитета обороны от 8 июля 1941 г. — еще 56 стрелковых, 10 кавалерийских и 25 дивизий народного ополчения. Вместо 4887 тыс. человек по мобилизационному плану февраля 1941 г. были призваны военнообязанные 14 возрастов, общая численность которых составила около 10 млн. человек. Тем самым уже в первые пять недель войны были перекрыты те расчеты, на которых разработчики «Барбароссы» базировали прогнозы о сроках и возможностях проведения скоротечной кампании против СССР. Расчеты, которые не предусматривали формирования второлинейных дивизий в вермахте.

Конечно, свежее испеченные соединения РККА были далеки от идеала. Им не хватало артиллерии, пулеметов, средств связи. Командиры не успевали узнать своих подчиненных, часть из которых до этого вообще не служила в армии. Командующий Юго-Западным направлением С. М. Буденный в разговоре с начальником Генерального штаба Красной Армии Б. М. Шапошниковым сказал: «Опыт с новой 223 сд показал, что новые формирования, не будучи достаточно сколоченными, не выдерживают первых ударов противника и разбегаются». Справедливости ради нужно сказать, что «разбегались» было скорее исключением, чем правилом, хотя боеспособность птенцов «перманентной мобилизации» оставляла желать лучшего. Но возможности выбирать в тех условиях не было. Или биться в составе организованной вооруженной силы, связанной единым планом и худо-бедно снабжающейся с заводов оружием и транспортом, или через несколько месяцев противостоять вооруженным пулеметами и минометами карателям с охотничьими ружьями в руках.

Для немцев эта стратегия советского руководства оказалась неприятным сюрпризом. Лучше всего ситуацию обрисовал начальник немецкого Генерального штаба Франц Гальдер: «Общая обстановка все очевиднее и яснее показывает, что колосс Россия, который сознательно готовился к войне, несмотря на все затруднения, свойственные странам с тоталитарным режимом, был нами недооценен. Это утверждение можно распространить на все хозяйственные и организационные стороны, на средства сообщения и в особенности на чисто

военные возможности русских. К началу войны мы имели против себя около 200 дивизий противника. Теперь мы насчитываем уже 360 дивизий. Эти дивизии, конечно, не так вооружены и не так укомплектованы, как наши, а их командование в тактическом отношении значительно слабее нашего, но, как бы там ни было, эти дивизии есть. И даже если мы разобьем дюжину таких дивизий, русские сформируют новую дюжину». Термин «насчитываем» здесь следует понимать как число известных немцам дивизий, больше половины из которых к тому времени могли уже представлять собой бледные тени или вовсе исчезнуть в пламени войны.

Для достижения успеха вермахту нужно было перемалывать советские дивизии быстрее, чем их формируют и восстанавливают. Эта задача усложнялась тем фактом, что сами немцы не предусматривали создания новых соединений в ходе кампании. Им предстояло снова и снова бросать в бой одни и те же дивизии, для которых очередные «котлы» оборачивались потерями, уменьшавшими их боевую силу. Задачей советской стороны было избежать крупных катастроф и постепенно накапливать резервы для перехвата стратегической инициативы. В немецкой стратегии было нащупано слабое звено, невнимание к второлинейным соединениям, формируемым уже после начала конфликта. Лекарство от блицкрига было найдено, но оставалось еще дожидаться, когда оно подействует.

210-мм гаубица «Moerser 18» на позиции в готовности открыть огонь. Поддержка ударов танков артиллерией, вплоть до самой тяжелой, позволяла дойти до подступов к Ленинграду и Москве даже на тонкобронных «Pz.I», «Pz.II» и Pz.35 (t).

Подействовало оно только поздней осенью 1941 г. До 31 декабря был сформирован или переформирован 821 эквивалент дивизий (483 стрелковые дивизии, 73 танковые, 31 моторизованная, 101 кавалерийская и 266 танковых, стрелковых и лыжных бригад). Был организован непрерывный конвейер восстановления существующих и формирования новых соединений. Противопоставить стратегии «перманентной мобилизации» немцы ничего не смогли. Весь путь от границы до Ростова они проделали в практически неизменном составе соединений, которые в непрерывных боях теряли людей, технику, элементарно уставали. Не будем забывать, что пехотные дивизии проделали весь путь от берегов Буга и Прута до Харькова и Мариуполя пешком. Ожидать от них такого же упорства в обороне и наступлении, как в июне 1941 г., было невозможно. К этому добавилось воронкообразное расширение фронта от границы до меридиана Москвы и Ростова. Сложилось своего рода шаткое равновесие между боевыми возможностями «перманентно мобилизованных» соединений Красной Армии и растянутостью фронта, потерями, усталостью немецких войск. Результат был вполне предсказуемым: когда поступление свежих соединений превысило темпы их пере-

малывания немцами, Красная Армия в очередной раз попыталась перехватить инициативу и немецкий фронт посыпался, дивизии вермахта сначала под Ростовом и Тихвином, а потом по всему фронту побежали на запад, бросая оставшуюся без горючего технику.

На фронт! «Лекарством против блицкрига» стало формирование в СССР новых дивизий и армий, их вооружение и оснащение.

Союзники и «меч-кладенец». Битва за Москву остановила «Барбароссу», но еще не поставила крест на блицкриге как таковом. Ремейки «блицкрига» состоялись летом 1942 г. в южном секторе советско-германского фронта и в Африке. Красная Армия и союзники вновь отступали под натиском немецких танковых дивизий. Однако превосходство немецкой военной машины сохранялось ровно до того момента, когда союзники также обзавелись «мечом-кладенцом» в виде сбалансированных механизированных соединений. Красная Армия весной 1942 г. приступила к формированию танковых корпусов. Осенью 1942 г. к ним прибавились механизированные корпуса. В сравнении с танковым корпусом удельный вес мотострелков в механизированном корпусе существенно вырос, что увеличивало как его ударные возможности, так и способность к удержанию местности. Если танковая бригада насчитывала по штату 1107 человек, то механизированная бригада – 3707 человек. В танковых бригадах под Сталинградом насчитывалось по факту примерно 70–80 грузовиков, а в механизированных бригадах – 250–350 грузовиков. Танковые и механизированные мехкорпуса позволили Красной Армии провести свой блицкриг – операцию «Уран» под Сталинградом. Она стала первой из череды маневренных операций, проводившихся силами танковых, механизированных корпусов и танковых армий. Последние были организационным эквивалентом германских моторизованных корпусов.

К осени 1942 г. также были усовершенствованы механизированные соединения армий союзников. Английская танковая дивизия была значительно усилена мотопехотой с одновременным уменьшением числа танков, в ней осталась одна танковая бригада. Теперь на три расчетных танковых батальона в английской танковой дивизии приходилось четыре батальона мотопехоты. Американцы также последовали тенденции усиления мотопехотного звена танковых дивизий. Американская танковая дивизия второй половины войны состояла из разведывательного отряда, трех танковых, трех мотопехотных батальонов и трех дивизионов артиллерии. Причем американцы шагнули дальше, артиллерия таких дивизий была полностью самоходной (САУ М7 «Прист»), а вся мотопехота передвигалась на БТР. Мотопехотная рота американской дивизии численностью 251 человек оснащалась 20 БТР, что поз-

воляло ей преодолевать участки заградительного огня артиллерии противника. В немецких дивизиях БТР оснащался в лучшем случае один батальон из четырех.

Появление в стане антигитлеровской коалиции сбалансированных танковых соединений лишило вермахт преимущества, позволявшего окружать и громить крупные силы противников. Удары в глубину парировались контрударами танковых соединений. Также все чаще союзники стали сами наносить удары в глубину, охватывая и обходя немецкие полевые армии.

* * *

Теория блицкрига, разработанная немецкими военными теоретиками в межвоенный период, предусматривала достижение целей войны за счет разгрома армии противника до того, как противник сможет ее восстановить мобилизацией и формированием новых соединений. Достигался этот эффект комплексом мероприятий как на политическом, так и на военном поприще. Германия старалась упредить противника в мобилизации и развертывании, а также максимально быстро уничтожить армии противника глубокими прорывами своих «мечей-кладенцов» – моторизованных корпусов. Однако, несмотря на целый ряд очевидно прогрессивных шагов, немецкое командование недооценило возможности крупной страны по мобилизации новых соединений и не приняло симметричных шагов в отношении вермахта. Это привело к тому, что темпы формирования новых дивизий и бригад РККА летом и осенью 1941 г. в конце концов превысили темпы уничтожения этих соединений в «котлах», оборонительных и наступательных боях. Это перевело конфликт из фазы блицкрига в фазу затяжной войны на истощение.

Вскоре союзники обзавелись собственными механизированными соединениями и развернули блицкриг вспять. Масса передвигавшейся пешком и на лошадях немецкой пехоты все чаще оказывалась под угрозой окружения и уничтожения. Немецкие же танковые и моторизованные дивизии превратились в «пожарные команды», сдерживающие обвал и распад фронта.

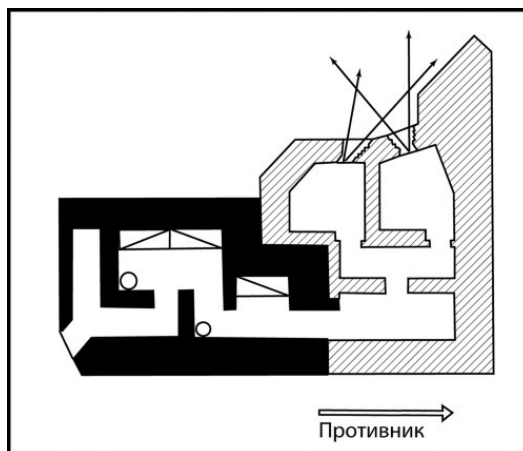
Глава 2

«Толстовцы» и «миллионеры»

Финская война – это одно из тех событий, которые порождают прямо противоположные мнения о себе в рядах историков и публицистов. Это своего рода «линия фронта» между людьми с разными политическими взглядами. Позицию одного лагеря вполне прозрачно отражает, например, А. И. Солженицын: «И потом все видели эту бездарную, позорную финскую кампанию, когда наша огромная страна тыкалась, тыкалась около этой самой «линии Маннергейма». Всем показали, что мы воевать... и противники наши видели, что мы воевать не готовы». [11] Другая сторона опирается на высказывания, подобные: «Ни одна армия мира не прорывала еще такой, взятой в бетон и сталь, оснащенной по последнему слову военной техники линии обороны» [12– С.137]. То есть, с одной стороны, огромная армия, остановленная маленькой Финляндией, с другой – беспрецедентное в мировой истории сокрушение сильных укреплений в жестокую стужу. Обе стороны снимали фильмы, писали книги. В одних с каким-то мазохистским упоением показывали засыпанные снегом танки БТ с распахнутыми люками и замерзшие трупы красноармейцев, в других с удивлением читаем рассказы про многоэтажные ДОТы с центральным отоплением и мощными орудиями.

Зима-холода. Одним из главных аргументов о сложности и специфичности условий Зимней войны являются жуткие, нетипичные холода. Однако в декабре 1939 г., когда, собственно, и проводился первый, неудачный штурм «линии Маннергейма» Красной Армией, мороза минус сорок градусов по Цельсию просто не было. Это чистой воды миф. При чем узнать о реальных погодных условиях начального периода советско-финской войны не составляет труда. В описании боев на Карельском перешейке писателя Владимира Ставского у бойцов 252-го стрелкового полка 70-й стрелковой дивизии под ногами «хлюпал тающий снег» [13– С. 49, 52]. Хлюпанье снега в 40-градусный мороз представить себе сложно. Корабли Балтийского флота вплоть до конца декабря поддерживали сухопутные войска, нередко подходя к самому берегу, то есть Финский залив еще не успел замерзнуть. Незамерзшая река Тайпаллен-Йоки на правом фланге советского наступления вынуждала советские дивизии переправляться с помощью понтонов и резиновых лодок. Лучшее всего про погодные условия в декабре 1939 г. на Карельском перешейке написал Маннергейм: «Однако у противника было техническое преимущество, предоставленное ему погодой. Земля замерзла, а снегу почти не было. Озера и реки замерзли, и вскоре лед стал выдерживать любую технику. В особенности Карельский перешеек превратился для больших масс войск и механизированных частей в пригодную местность. Дороги окрепли, легко было прокладывать и новые. [...] Единственным преимуществом, которое время года подарило обороняющимся войскам, было то, что краткость зимнего дня ограничивала деятельность авиации противника» [14– С.268]. Рассуждения об ужасающих морозах как причине провала первой попытки разгромить финнов оказываются ничем не обоснованными. Сегодня есть достаточно подробные и развернутые данные по погодным условиям, в которых воевала Красная Армия в Финляндии. Финский генерал-лейтенант Х. Энквист, командующий II армейским корпусом, вел дневник, в котором аккуратно записывал дневную температуру каждый день с первого до последнего дня войны. 30 ноября было плюс 3. До 20 декабря 1939 г. на Карельском перешейке температура колебалась от +2 до –7. Далее до Нового года температура не опускалась ниже –23. Морозы до –40 начались во второй половине января, когда на фронте было затишье. Причем мешали эти морозы не только наступающим, но и обороняющимся. Маннергейм пишет: «Вскоре начались исключительно жестокие морозы,

поставив как нападающую, так и обороняющуюся стороны перед самыми тяжелыми испытаниями» [14– С.270].

План финского ДОТа «Sk-6» укрепрайона «Суммакюля». Это сооружение интересно тем, что является продуктом модернизации ДОТа фронтального огня 1920-х гг. Амбразура старого ДОТа стала дверью в полукапонир «Ле-Бурже» постройки 1938–1939 гг. (заштрихован), рассчитанного на два пулемета с перекрывающимися секторами обстрела.

Полутораметровый снег. Помимо морозов, распространенным образом Зимней войны стал глубокий снег. Опять же, в первых боях на Карельском перешейке снег советским войскам совершенно не мешал. Маннергейм написал в своих мемуарах: «К сожалению, снежный покров продолжал оставаться слишком тонким, чтобы затруднять маневрирование противнику» [14– С.268]. Если не устраивает качественная оценка, данная Маннергеймом, то можно привести и точные цифры. Их можно без труда найти в документах российских архивов. Например, в оперсводках советских дивизий в конце писали толщину снежного покрова. В оперсводке 123 сд № 257 от 15 декабря 1939 г. указано: «Глубина снежного покрова 10–15 см»¹³. Напомню, что 15 декабря – это разгар первых, неуспешных боев на «линии Маннергейма». В этот день 123-я стрелковая дивизия, сводку которой я привел, вела разведку боем, с тем чтобы 17-го начать наступление. Задачей дивизии был захват высоты 65,5, ставшей одной из легенд советско-финской войны. Штурм 17 декабря был неудачным. Однако вплоть до оперативной паузы, до января 1940 г., двухметрового снега не появилось. В оперсводке № 17 от 6 января 1940 г. начальник штаба 123-й стрелковой дивизии Сафонов указывает: «Глубина снежного покрова 25–35 см». Напротив, в февральский успешный штурм высоты 65,5 оперативные сводки той же дивизии определяют снежный покров как «глубокий».

Если трезво оценить обстановку декабря 1939 г., то можно сделать вывод, что с точки зрения погоды время начала сухопутной операции против Финляндии было выбрано идеально. Советское командование вполне обоснованно посчитало, что в декабре почва будет схвачена морозами, а многочисленные финские озера, реки, болота покроются льдом. Но при этом снега будет еще немного – просто не успеет выпасть в достаточном количестве. Таким образом, это должно было позволить широко применить многочисленную советскую боевую технику: танки, артиллерию, а также обеспечить бесперебойное снабжение войск силами штатного автотранспорта. «Полуторки» и «ЗИСы» никак нельзя было назвать машинами повышенной проходимости, и нормально передвигаться они могли только по схвачен-

¹³ РГВА. Ф.34980. Оп.10. Д.2048. Л. 4.

ной морозом почве. Любой, кто бывал на Карельском перешейке летом, дополнит этот список еще одним фактором – комарами. Жестокие насекомые, которые летом могли доставить солдатам немало неприятных минут, в декабре 1939 г. по понятным причинам отсутствовали.

Неприступные укрепления. Хорошим тоном для сторонников теории о могущественной РККА, взломавшей неприступную линию обороны, всегда было цитирование генерала Баду, представленного ни много ни мало как строитель «линии Маннергейма». Он писал: «Нигде в мире природные условия не были так благоприятны для постройки укрепленных линий, как в Карелии. На этом узком месте между двумя водными пространствами – Ладожским озером и Финским заливом – имеются непроходимые леса и громадные скалы. Из дерева и гранита, а где нужно – и из бетона построена знаменитая «линия Маннергейма». Величайшую крепость «линии Маннергейма» придают сделанные в граните противотанковые препятствия. Даже двадцатипятитонные танки не могут их преодолеть. В граните финны при помощи взрывов оборудовали пулеметные и орудийные гнезда, которым не страшны самые сильные бомбы. Там, где не хватало гранита, финны не пожалели бетона» [15– С.14]. Вообще, читая эти строки, человек, представляющий себе реальную «линию Маннергейма», страшно удивится. В описании Баду перед глазами встают какие-то мрачные гранитные утесы с вырубленными в них на головокружительной высоте огневыми точками, над которыми кружат стервятники в ожидании гор трупов штурмующих. Описание Баду подходит на самом деле скорее к чешским укреплениям на границе с Германией. Карельский перешеек – местность сравнительно ровная, и вырубать в скалах огневые точки нет никакой необходимости просто вследствие отсутствия самих скал в товарных количествах. Но так или иначе, образ неприступного замка был создан в массовом сознании и закрепился в нем довольно прочно.

Начать стоит с того, кем был цитируемый Баду. Генерал-майор Э. Баду был бельгийцем, нанятым финнами в апреле 1939 г., на завершающем этапе строительства «линии Маннергейма». Он был ответственным за проектирование сооружений укрепленных узлов Муолаа и Салменкайта. Надо сказать, что финны не были довольны результатами его работы: сооружения не имели газозащиты, их убежища были тесными, а амбразуры плохо защищены. Возможно, недовольство финнов заставило Баду сделать далеко идущие и неверные выводы относительно уже существующих финских укреплений.

В целом, однако, «линия Маннергейма» была далека от лучших образцов европейской фортификации. Подавляющее большинство долговременных сооружений финнов были одноэтажными, частично заглубленными в землю железобетонными постройками в виде бункера, разделенного на несколько помещений внутренними перегородками с бронированными дверями. Три ДОТа «миллионного» типа имели два уровня, еще три ДОТа – три уровня. Подчеркну, именно уровня. То есть их боевые казематы и укрытия размещались на разных уровнях относительно поверхности, слегка заглубленные в землю казематы с амбразурами и полностью заглубленные соединяющие их галереи с казармами. Сооружений с тем, что можно назвать этажами, было ничтожно мало. Друг под другом – такое размещение – небольшие казематы непосредственно над помещениями нижнего яруса были только в двух ДОТах («Sk-10» и «Sj-5») и орудийном каземате в Патониemi. Это, мягко говоря, не впечатляет. Даже если не брать в расчет внушительные сооружения «линии Мажино», можно найти немало примеров куда более совершенных ДОТов. Например, в 62-м Брест-Литовском УРе «линии Молотова» двухэтажные пулеметные и артиллерийские полукапониры были обычным делом. На одном этаже располагались казематы, на другом, находящемся под землей, были склад и казарма. Не было на Карельском перешейке и обычных для укреплений Франции, Германии и Чехословакии подземных галерей, соединяющих ДОТы. Подземные узкоколейки «линии Мажино», чешской «Ханички» остались для финнов несбыточной мечтой. «Миллионеры» оставались слегка заглубленными изолированными бетонными коробками.

Кроме того, ДОТов «миллионного» типа на основной линии обороны было всего восемь штук: один в узле «Инкиля», три – в «Сумманкюля», два – в «Суммаярви», два – в Лейпясую.

Вдоль главной полосы обороны «линии Маннергейма» были установлены около 136 км противотанковых препятствий и около 330 км проволочных заграждений. Живучесть надолб была рассчитана на танки типа «Рено», стоявшие на вооружении Финляндии, и не отвечала современным требованиям [16]. Вопреки утверждениям Баду, финские противотанковые надолбы показали в ходе войны свою низкую стойкость к ударам средних танков «Т-28». Но дело было даже не в качестве сооружений «линии Маннергейма». Любая оборонительная линия характеризуется количеством долговременных огневых сооружений (ДОС) на километр. Всего на «линии Маннергейма» было 214 долговременных сооружений на 140 км, из которых 134 – пулеметных или артиллерийских ДОС. Непосредственно на линии фронта в зоне боевого контакта в период с середины декабря 1939 г. по середину февраля 1940 г. находилось 55 ДОТов, 14 укрытий и 3 пехотные позиции, из них около половины были устаревшими сооружениями первого периода постройки. Для сравнения: «линия Мажино» имела около 5800 ДОС в 300 узлах обороны и протяженность 400 км (плотность 14 ДОС/км), «линия Зигфрида» – 16 000 фортификационных сооружений (послабее французских) на фронте 500 км (плотность – 32 сооружения на 1 км). «Линия Молотова» на участке Юго-Западного фронта, три наиболее боеготовых УРа (Владимир-Волынский, Струмиловский, Рава-Русский) – 276 боеготовых ДОС (и еще 627 бетонных коробок в стадии строительства) на фронте 195 км (средняя плотность – 1,4 ДОС/км). После завершения строительства плотность достигла бы 4,6 ДОС/км. Ближайший к «линии Маннергейма» советский Карельский УР (часть «линии Сталина») – 196 ДОС на участке 80 км (средняя плотность 2,5 ДОС/км). Из них около 20 ДОТов – артиллерийские. Летичевский УР (часть «линии Сталина» на Украине) – 363 ДОС на фронте 125 км (средняя плотность 2,9 ДОС/км). А «линия Маннергейма» – это 214 ДОС (из них – только 8 артиллерийских) на фронте 140 км (средняя плотность 1,5 ДОС/км, на отдельных участках – до 3–6 ДОС/км). То есть только 4 % ДОС были артиллерийскими, в то время как даже на «линии Сталина» артиллерийскими были 10 % ДОС. Вооружались ДОС «линии Сталина» 76,2-мм дивизионными пушками, способными поразить любой танк тех лет. Их было мало, но аналогичных сооружений у финнов не было вовсе. В полосе главного удара советских войск артиллерийские ДОТы на «линии Маннергейма» просто отсутствовали, они были на второстепенном направлении и вооружались старыми 57-мм пушками.

В укреплениях у шоссе на Выборг, которые были ареной ожесточенных боев в декабре 1939 г., а потом в феврале 1940 г., орудий, способных поразить советские танки, просто не было. Только в феврале ДОТы-«миллионники» получили... противотанковые ружья «Бойс». В декабре 1939 г. противотанковая пушка стояла рядом с ДОТом «Миллионер» снаружи, прикрытая только маскировочной сетью. Если сравнить эти «могучие» сооружения с фортом Эбен-Эмаэль в Бельгии, то становится просто смешно. Эбен-Эмаэль вооружался 60-мм противотанковыми пушками в бетонных казематах, помимо них, бетоном были защищены 75-мм пушки и 81-мм минометы.

Даже лучшие, наиболее совершенные сооружения постройки конца 30-х годов были далеки от идеала. Некоторые из них даже не имели отопления. ДОТ-«миллионник», входивший в укрепленный узел у высоты 65,5 на шоссе Бобошино – Выборг, специального отопления не имел, хотя это был один из лучших ДОС «линии Маннергейма». Отопление было только у его однотипного соседа, Sj4 «Поппиус» на высоте 65,5. В бетонных коробках в общем случае жили только их гарнизоны. Пехотные дивизии и батальоны финнов находились в тех же условиях, что и советские войска. Они были так называемым «пехотным прикрытием» укрепленных районов, занимавшим обычные окопы. Младший сержант Мартти Салмиен из 14-го пехотного полка в своем дневнике, опубликованном в 1999 г.,

пишет: «21.12.39 часть нашей роты, находящаяся в резерве, укрепляла бревнами вкопанные в землю палатки. Мой взвод клал поверх двух **палаток** толстые бревна крест-накрест». Или запись от 25 января 1940 г.: «Утром была температура 38,4. Мог бы пойти в госпиталь, но остался в своей **палатке**» (выделено мной. – *А.И.*). Помимо палаток, были самостоятельно построенные во время боевых действий блиндажи. Когда Мартти сунулся во время обстрела в ДОТ, его с руганью выгнал под угрозой пистолета старший сержант пулеметной роты.

Казематы «Ле Бурже». Думаю, стоит послушать мнение самого Маннергейма, его оценку системы укреплений, оставшихся в истории под его именем. «Укрепсооружения, построенные на нашей территории, также не могли служить фактором, выравнивающим соотношение сил. По конструкции они были весьма скромными и, за небольшим исключением, располагались только на Карельском перешейке. Вдоль оборонительной линии протяженностью около 140 километров стояло всего 66 бетонных ДОТов. 44 огневые точки были построены в двадцатые годы и уже устарели, многие из них отличались неудачной конструкцией, их размещение оставляло желать лучшего. Остальные ДОТы были современными, но слишком слабыми для огня тяжелой артиллерии. Построенные недавно заграждения из колючей проволоки и противотанковые препятствия не вполне отвечали своей функции. Время не позволило эшелонировать оборону в глубину, и ее передний край, как правило, являлся одновременно и главной линией обороны» [14– С.263]. Читатель спросит: «Как может устареть ДОТ за 10–15 лет? Уж не являются ли слова Маннергейма вариацией рассказов про легкие и устаревшие советские танки?» Нет, финский полководец не лукавил. Большинство старых сооружений линии имели амбразуры фронтального огня, что в конце 30-х уже было серьезным недостатком – амбразуры таких ДОТов могли быть расстреляны прямой наводкой выстрелами в амбразуру. Именно так произошло с казематом фронтального огня ДОТа «Поппиус» на высоте 65,5. Пулемет в этом каземате был выявлен и расстрелян уже в ходе декабрьского штурма. Более новые сооружения, чертеж одного из которых я поместил в книге, были обращены к противнику глухой стеной, а амбразуры располагались на боковых или даже задних гранях бетонной коробки. Называлась такая конструкция каземат «Ле Бурже», по имени разработавшего его французского инженера, и получила распространение уже в ходе Первой мировой войны. ДОТы, стреляющие вбок, составляли взаимосвязанную цепочку. Пулеметы соседних сооружений простреливали пространство перед фронтом друг друга, а противник был лишен возможности выстрелом с прямой наводки из полевой или зенитной пушки в амбразуру уничтожить ДОТ с нескольких попыток. Кроме того, амбразуры фланкирующего огня прикрывались стенками, продолжавшими лобовую и служившими дополнительной защитой амбразур ДОТа от фронтального огня наступающего. Эти же стенки закрывали от наступающего вспышки выстрелов пулеметов. Финны не только строили новые сооружения такого типа, но и модернизировали существующие. Некоторые ДОТы в районе Хоттинена, например «Sk-5», «Sk-6», были переделаны в казематы фланкирующего огня, фронтальная амбразура при этом замуровывалась.

Советская 203-мм гаубица «Б-4» ведет огонь по «линии Маннергейма». Эти мощные орудия прозвали «карельскими скульпторами» за разрушение финских ДОТов.

Именно «казематы Ле-Бурже» сделали «линию Маннергейма» сложной для штурма. Требовалась хорошая подготовка штурмующих и тщательная разведка сооружений.

Что мы знали о «линии Маннергейма»? Реальной проблемой, с которой пришлось столкнуться советским войскам, был недостаток разведывательных данных о финских укреплениях. Маршал Б. М. Шапошников начал свою речь на совещании 14–17 апреля 1940 г. словами: «Имелись, как говорил командующий Ленинградским военным округом, отрывочные агентурные данные о бетонных полосах укреплений на Карельском перешейке, это были лишь общие данные, но той глубины обороны, которая здесь была обрисована командующим Ленинградским военным округом, мы не знали. Для нас такая глубина обороны явилась известной неожиданностью» [17– С.180].

Основной сложностью было отсутствие достоверных сведений о сооружениях поздней постройки, возведенных в 1938–1939 гг. Некоторые из них, кстати, остались недостроенными к началу конфликта. Именно в этот период строительства на «линии Маннергейма» появились впоследствии печально известные «миллионники». Утечка информации из финского Генштаба произошла намного раньше, в 1933 г., в результате предательства лейтенанта Пентикяйнена, переснявшего чертежи укрепрайонов.

Первым соединением Красной Армии, словно в стену уткнувшимся в неизвестные сооружения, стала 24-я стрелковая дивизия. Она уже в первую неделю войны вышла к небольшому селению Вейсяйнен и столкнулась со свежестроенным узлом обороны. Что было дальше, описывает известный современный российский историк Павел Аптекарь, работавший в РГВА с журналами боевых действий дивизий, участвовавших в Зимней войне: «6 декабря 7-й полк (24-й стрелковой дивизии. – *А.И.*) вышел к Вейсяйненскому укрепленному району – одному из крупнейших узлов обороны «линии Маннергейма», где и был остановлен сильным огнем. 274-й стрелковый полк достиг правого берега р. Косенйоки, которую ему не удалось форсировать ни с ходу, ни впоследствии после длительной артподготовки». Если мы откроем «Альбом укреплений Карельского перешейка», составленный по данным советской разведки в 1937 г. (в том числе полученных от лейтенанта Пентикяйнена), в районе Вейсяйнена не обозначено ни одного укрепления, только огневые точки у железной дороги. В том бою у Вейсяйнена погиб командир 24-й стрелковой дивизии П. Е. Вещев. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Он стал одной из первых жертв отсутствия достоверной развединформации об узлах обороны «линии Маннергейма». В дальнейшем потери от появлявшихся, как айсберг перед «Титаником», ДОТов только множились.

Соотношение сил. Главным неблагоприятным фактором, о котором обычно совершенно забывают, – это соотношение сил сторон в начальном периоде войны. Красную Армию обычно считают по определению превосходящей противника численно, и рассказы о «людских волнах», штурмующих ДОТы, в значительной степени являются преувеличением. Начальник Генштаба Красной Армии Б. М. Шапошников, отметив промахи разведки, обратился к подсчетам соотношения сил:

«Разведка давала, что финская армия в военное время будет иметь до 10 пехотных дивизий и десятка полтора отдельных батальонов. В действительности финнами было развернуто гораздо больше. Если верить всем финским нумерациям частей – а верить особенно всем нельзя, потому что в ходе войны финское командование меняло номера частей, – финнами было развернуто до 16 пехотных дивизий и несколько отдельных батальонов.

Мы начали войну с 21 стрелковой дивизией. Таким образом, решительного превосходства – превосходства в силе – у нас не было, что касается техники, то у финнов ее было мало. А как говорит тот же Клаузевиц: «Число предreshает победу». Поэтому, товарищи, здесь докладывалось уже, что по указанию товарища Сталина мы начали увеличивать число дивизий на фронте и готовить силы для решительной победы. В этом отношении, начав войну с 21 дивизией, мы довели силы на фронте до 45 дивизий и окончили войну с 58 дивизиями, сосредоточенными на фронте» [17– С.180].

Расчеты Б. М. Шапошникова, конечно, несколько преувеличивают силы финнов. Сейчас у нас уже достаточно данных, чтобы подсчитать реальное соотношение сил сторон. В декабре 1939 г. на три финские дивизии в долговременных укреплениях на Карельском перешейке посылают всего пять советских стрелковых дивизий 7-й армии. Позднее соотношение стало 6:9, но это все равно далеко от нормального соотношения между наступающим и обороняющимся на направлении главного удара, 1:3. Огромные силы советских войск, идущих на горстку финнов, в приложении к началу декабря 1939 г. не более чем миф. С финской стороны на Карельском перешейке были 6 пехотных дивизий (4-я, 5-я, 11-я пд II армейского корпуса, 8-я и 10-я пд III армейского корпуса, 6-я пд в резерве), 4 пехотные бригады, одна кавалерийская бригада и 10 батальонов (отдельных, егерских, подвижных, береговой обороны). Всего 80 расчетных батальонов. С советской стороны на Карельский перешеек наступали 9 стрелковых дивизий (24-я, 90-я, 138-я, 49-я, 150-я, 142-я, 43-я, 70-я, 100-я сд), 1 стрелково-пулеметная бригада (в составе 10-го танкового корпуса) и 6 танковых бригад. Итого 84 расчетных стрелковых батальона. Если сравнивать численность личного состава, то картина будет та же самая.

Численность финских войск на Карельском перешейке составляла 130 тыс. человек, советских 169 тыс. человек. Соотношение 1:1,3. Понятно, что в танках и артиллерии СССР имел подавляющее преимущество, но бой пехоты еще никто не отменял. И против 80 финских батальонов, опирающихся на долговременные сооружения, было 84 стрелковых батальона РККА. При этом нужно учесть и тот факт, что из перечисленных советских дивизий не все вступили в бой сразу. 100-я стрелковая дивизия начала боевые действия 21 декабря, 138-я стрелковая дивизия – 11 декабря 1939 г. Одним словом, силы сторон на Карельском перешейке были практически равными, разница была в том, что финны сидели в бетонных коробках, а у РККА была масса танков с противоположным бронированием.

Если мы возьмем второстепенное по отношению к Карельскому перешейку направление, полосу наступления 8-й советской армии, то увидим аналогичную картину. В промежутке между Ладожским и Онежским озерами с советской стороны первоначально наступали 56-я, 139-я, 155-я, 18-я и 168-я стрелковые дивизии. Это 43 расчетных батальона. Оборонялись с финской стороны две пехотные дивизии (12-я и 13-я) и 7 отдельных батальонов. Итого 25 расчетных батальонов. К соотношению 1:3 и близко не лежит. Такое же соотношение было и между вооруженными силами Финляндии и выделенными для проведения

операции советскими войсками в целом. У финнов было 170 расчетных батальонов в составе 9 пехотных дивизий, 4 пехотных бригад, 1 кавалерийской бригады, 35 отдельных батальонов, 38 запасных батальонов. Противостояли им соответственно 185 расчетных батальонов РККА в составе 20 стрелковых дивизий, одной стрелково-пулеметной бригады.

«Миллионеры». Начавшееся в середине декабря общее наступление 7-й армии также столкнулось с рядом неприятных сюрпризов. Командующий армией К. А. Мерецков подтянул артиллерию и начал пробиваться вдоль дороги на Выборг, предполагая взломать укрепления финнов, раз не получилось проскочить в «окно» «линии Маннергейма». Но 123-я стрелковая дивизия, наступавшая слева от 24-й сд 17–18 декабря, как «Титаник» на айсберг, напоролась на два ДОТа-«миллионника», Sj5 и Sj4, построенные в 1938 и 1937 гг. соответственно. Словно геркулесовы столпы, они стояли на высотах по обе стороны лощины, параллельно которой шла дорога на Выборг, и контролировали пространство между озером Суммаярви и незамерзающим болотом Мунасуо. Оба ДОТа были новейшей конструкции, с казематами фланкирующего огня, о которых я рассказывал выше. Sj4 «Поппиус» имел амбразуры фланкирующего огня в западном каземате. ДОТ Sj5 «Миллионер» был с амбразурами для фланкирующего огня в обоих казематах. Оба ДОТа простреливали фланговым огнем всю лощину, прикрывая пулеметами фронт друг друга. Наступающих по лощине пехотинцев встречал свинцовый шквал, несшийся непонятно откуда. Помимо каземата «Ле Бурже», Sj4 имел каземат фронтального огня, контролировавший дорогу Бобошино – Выборг. Из-за этого «Поппиус» сравнительно быстро вычислили. Напротив, Sj5 «Миллионер» был обнаружен командиром отделения Парминовым только в конце декабря, в ночном поиске-рейде за финскими окопами. И это неудивительно: со стороны наступающих советских войск каземат фланкирующего огня не был виден, глухая бетонная стена каземата была завалена камнями и снегом.

18 декабря внезапно проявившие себя «миллионники» Sj4 и Sj5 произвели шоковое впечатление. По советским данным о ДОТах ранней постройки, укрепленный узел Суммаярви должен был состоять из 2–3 ДОТов фронтального огня (сооружения, построенные в 20-х годах и носившие в 1939 г. названия Sj2, Sj3, Sj7) и не требовал больших усилий для своего уничтожения. Но два прочных ДОТа фланкирующего огня оказались непосильной задачей для одной стрелковой дивизии, пусть и усиленной 91-м танковым батальоном 20-й тяжелой танковой бригады, оснащенной «Т-28». Танки прорывались вперед, но пулеметы Sj4 и Sj5 отсекали от них пехоту. Далее финские пехотинцы расстреливали лишенные поддержки пехоты танки из 37-мм «Бофорсов», забрасывали бутылками с зажигательной смесью.

Вместе с тем описание штурма «линии Маннергейма» как недель атак, в которых красноармейцы, «взявшись за руки и распевая песни, продвигаются вперед, не обращая внимания на взрывы, стоны искалеченных товарищей и выстрелы финских снайперов», является безусловной ахинеей. В финских документах, напротив, отмечаются активные действия танков и слабые атаки пехоты. Единственное отдаленно похожее описание звучит так: «Противник начал атаку опорных пунктов Лехтонен и Мякипя силами до роты. Они шли сомкнутым строем, как на параде. Мы открыли огонь, и противник отступил под защиту леса, понеся значительные потери (20–30 человек). Т. е. атаковала в сомкнутом строю одна рота».

Профессионально, без пропагандистских штампов и надрыва, в стиле А. И. Солженицына высказался о событиях декабря 1939 г. Филипп Федорович Алябушев, командир 123-й стрелковой дивизии, на совещании 14–17 апреля 1940 г.:

«Выводы из этого наступления были самые разнообразные. Прежде всего танкисты обрушились на пехоту, начали говорить: «Эх, если бы пехота хорошая, все было бы сделано». Даже говорили: «Танки и батальон хорошей пехоты – можно было бы сделать все». Дело же обстояло, оказывается, не так – пехота у нас хорошая и может наступать, если это наступление подготовить.

Я считаю, что это были в корне неправильные и вредные рассуждения и они ни к чему не приводили и никого ни к чему не обязывали. Повторное наступление 28 декабря не дало положительных результатов, потому что опять не подготовились и не разобрались как следует, что находится перед фронтом дивизии, а просто обсуждали, кто виноват – пехота или танкисты. Танкисты говорят – пехота, пехотинцы говорят, что танкисты, и т. д. И только после того, как с первого января приступили к выяснению, что же в конечном итоге находится перед фронтом дивизии, и когда начали по-деловому выявлять, то оказалось, что перед фронтом дивизии были три железобетонных узла сопротивления противника» [17– С.46].

Капитан Назаров из штаба 123-й дивизии так охарактеризовал Алябушева: «Я не знаю, спал он или не спал, но он все время находился впереди и к каждой мелочи придирался. Он добился того, что его подразделения были настолько натренированы и настроены, что прорыв сам собой определился». То есть ничего не получалось, пока не выявили свежестроенный «миллионник» с фланкирующими капонирами и не занялись вплотную подготовкой войск.

Советские солдаты на захваченном финском ДОТе. Сооружение изрядно повреждено, но еще не полностью разрушено.

То же самое говорил К. А. Мерецков на том же самом апрельском совещании 1940 г.: «Как мы наступали на УР? Неправильно говорят, что мы пробовали УР брать с ходу, это неверно. Атака укрепленного района была подготовлена в соответствии с нашими уставными нормами [...]. Артиллерийский огонь был дан такой мощный, что противник из траншеи бежал, но наступление все же было отбито. Почему? Потому, что не сделали главного: не был разрушен бетон. Защитники обороны оставались в бетоне и пулеметным огнем отрезали пехоту, наступающую за танками. Мы видели героизм танкистов, прорвавшихся через УР, но благодаря тому, что бетон не был разрушен, разрыва между танками и пехотой мы ликвидировать не могли» [17– С.144]. Кирилл Афанасьевич знал, что говорил. 18 декабря 123-я стрелковая дивизия (тогда ей командовал полковник Стеньшинский, позднее смещенный за неудачи) силами одного батальона 245-го сп и двух батальонов 272-го сп овладела западным и южным скатами высоты 65,5. Казалось, еще чуть-чуть – и оборона будет прорвана. Но тут ожил Sj5 «Миллионер» на соседней высоте, и надежды на прорыв развеялись. Частям 123-й сд пришлось отступить, одна рота 245-го сп осталась заблокированной на склоне, и ее остатки пробивались к своим только 22 декабря. Проблема была в том, что шквал артиллерийского огня, смертельный для обычных пулеметных гнезд, был повернутым глухой стеной к наступающим ДОТам-«миллионникам» как слону дробина. Далее в

своем выступлении Мерецков объяснил, как вскрыли систему обороны финнов: «Потребовались длительная разведка боем отдельными мелкими партиями и постоянное наблюдение, чтобы выявить бетонные сооружения, а как только их выявили, то артиллерия их быстро разбила» [17–С.146]. До этого считали, что ДОТ-«миллионник» «Поппиус» на высоте 65,5 – это дерево-земляное сооружение. Фронтальную амбразуру этого ДОТа, кстати говоря, успешно «заклепали» 45-мм снарядами еще 20 декабря 1939 г. Проблемы создавали фланкирующие казематы, привести пулеметы которых к молчанию удалось, только разрушив один за другим и «Поппиус», и «Миллионер». Финны в 1937 г., когда строился «Поппиус», еще колебались относительно того, строить им ДОТы с фланкирующими казематами или с казематами фронтального огня. Опыт войны, в частности история «Поппиуса», показал, что ДОТы фронтального огня быстро обнаруживаются и уничтожаются. Практически все ДОТы «линии Салпа», строившейся в 1940–1941 гг., были с казематами фланкирующего огня.

По той же модели протекали действия 138-й стрелковой дивизии, штурмовавшей в декабре 1939 г. узел укреплений Суммакюля вместе с танками «Т-28» 91-го танкового полка 20-й танковой бригады. Здесь не помогли пехоте прорваться даже новейшие монстры, существовавшие в единственном, опытном экземпляре, – танки «КВ», «СМК» и «Т-100».

В Суммакюля ядром обороны также являлись два дота «миллионного» типа, стоявшие по обе стороны дороги и блокировавшие продвижение. Это были ДОТы «Sk-10» «Кюмпи» («Червонец») и «Sk-11» «Пелтола», конструктивно родной брат ДОТа-«миллионера» Sjö у высоты 65,5. Особенностью «Червонца» был центральный каземат с поднимаемым/опускаемым пулеметом на специальном станке. Вместе с другими сооружениями огонь «миллионников» отсекал от советских танков пехоту. В Суммакюля система огня «миллионников» подпиралась модернизированными сооружениями старой постройки. Причем ДОТ «Sk-2» изначально 1920-х годов постройки был перестроен до неузнаваемости и стал практически равен по огневой мощи и защите новейшим «миллионникам». Обычно к старым ДОТам «Sk-5», «Sk-6» пристраивался фланкирующий каземат системы «Ле Бурже».

Прошедшие всю полосу оборону танки без отсеченной ДОТами пехоты были обречены. Двухбашенный гигант «СМК» подорвался и остался в глубине финской обороны. Танки «Т-28» 91-го танкового батальона капитана Янова расстреляли из противотанковых пушек, забросали бутылками с горючей смесью. Попытки пробиться через шквал огня «миллионников» у Суммы и высоты 65,5 продолжались до 24 декабря, а потом на фронте наступило затишье до февраля 1940 г. Затишье, правда, условное. Велась разведка полосы обороны, подтягивались войска. Скажем, старые однопулеметные ДОТы «Sk-3» и «Sk-4» укрепузла Суммакюля были разрушены артиллерийским огнем 13 и 27 января соответственно.

Штурм. После того как стало ясно, что ни окон, ни дверей в «линии Маннергейма» нет, перед Красной Армией прочные долговременные укрепления и финны поставили под ружье всех, кого только можно было поставить, было решено штурмовать линию по всем правилам. Войска на Карельском перешейке были значительно усилены. Из войск правого крыла 7-й армии была вновь сформирована новая армия, 13-я, на Карельский перешеек прибывали новые стрелковые дивизии.

Соотношение сил по сравнению с декабрем 1939 г. 12 февраля 1940 г. стало больше соответствовать классическому соотношению 1:3. Численность личного состава советских войск составила теперь 460 тыс. человек против 150 тыс. человек финских. Советские войска на, как тогда его называли в телеграфном стиле, Карперешейке теперь насчитывали 26 дивизий, одну стрелково-пулеметную и 7 танковых бригад. С финской стороны им противостояли 7 пехотных дивизий, 1 пехотная бригада, 1 кавалерийская бригада, 10 отдельных пехотных, егерских, подвижных полков. Соотношение сил по батальонам на Карельском перешейке теперь было совсем иным, чем в декабре 1939 г., на 80 финских батальонов насту-

пали 239 советских, что практически точно соответствовало соотношению 1:3. У советских войск теперь было превосходство в артиллерии калибром 122 мм, и более в 10 раз. Вместо двух дивизионов большой мощности в войсках 7-й и 13-й армий было четыре. Теперь было чем крушить бетонные коробки.

В феврале, когда были накоплены силы, обеспечивающие нормативы на наступление против УРов, оборона была взломана, несмотря на глубокий снег. ДЗОТы разрушали 152-мм артиллерией, ДОТы – 203 и 280-мм. Сначала осколочно-фугасными снарядами разбивали подушку ДОТа, обнажая бетон. Далее дело завершали бетонобойные снаряды. Старались обходиться дешевыми гаубицами-пушками калибром 152 мм «МЛ-20», в сложных случаях крушили бетонные коробки 203-мм гаубицами обр. 1931 г. «Б-4», которые финны прозвали «сталинские кувалды», а наши войска называли «карельский скульптор». Такое название орудие получило за то, что своими 100-килограммовыми снарядами превращало ДОТы в причудливые сооружения из перекрученной арматуры и кусков бетона, которые солдаты в шутку прозвали «карельскими монументами». Правда, для изготовления такого убедительного аргумента для пехоты требовалось от 8 до 140 снарядов. Боевую ценность ДОТ, как правило, терял еще на ранних стадиях изготовления «скульптуры». Но только вид «карельского монумента» убеждал пехотинцев, что можно двигаться вперед, не опасаясь убийственного пулеметного огня. У 123-й стрелковой дивизии, штурмовавшей Суммаярви, в феврале 1940 г. было восемнадцать 203-мм гаубиц «Б-4» и шесть 280-мм мортир «Бр-2». Они израсходовали за время огневой подготовки наступления в первой декаде февраля 4419 снарядов, добившись 247 прямых попаданий. ДОТ «Поппиус», остановивший дивизию в декабре 1939 г., был разрушен 53 прямыми попаданиями.

Там, где не хватало «сталинских кувалд» и сестер «Б-4» – 280-мм мортир «Бр-5», в ход шла взрывчатка тоннами. Второй «геркулесов столп» укрепил Суммаярви «миллионный» ДОТ Sjs (который наши называли ДОТ № 0011) взорвали, уложив на него гору ящиков с взрывчаткой. Сначала артиллерийская подготовка нанесла потери пехоте, заполнявшей траншеи вокруг ДОТа, после ввода в бой 272-го стрелкового полка с западной стороны высоты удалось выбить финскую пехоту из траншеи и блокировать западный каземат, затем удалось подобраться к ДОТу саперам блокировочных групп младших лейтенантов Маркова и Емельянова. Взрыв на крыше западного каземата заставил гарнизон ДОТа покинуть сооружение. Далее «миллионник» был добит двумя тоннами тротила, уложенными под стены. Другой «миллионник», Леб, методично расстреляли артиллерией, постоянно долбя снарядами в одну и ту же точку. «Когда я позже был в разрушенных укреплениях врага, то видел страшную силу нашей боевой техники. Бетонный потолок толщиной в 1,5 метра обрушился вместе с семиметровым слоем земли над ним. Погнулись стальные стены, а в соседнем ДОТе № 167 стальной лист прогнулся и закрыл амбразуры. Теперь было понятно, почему замолчал и этот ДОТ» [20]. Еще один «миллионер», «Sk-11» в узле Суммакюля был расстрелян с прямой наводки 12 февраля 1940 г. Некоторые ДОТы были просто брошены финнами при отходе. Например, ДОТы укрепил Суурниemi, остановившие в декабре 24-ю стрелковую дивизию у Вейсаянена, были взорваны отходящими финскими частями.

Заметим, что в феврале 1940 г. были более суровые погодные условия, чем во время первой попытки прорвать линию финских укреплений в декабре. 12 февраля был мороз минус 8 градусов, далее температура неуклонно понижалась, достигнув к 20 февраля минус 20 градусов, а ночью столбик термометра опускался до минус 30 градусов. Дополнялась низкая температура сильным ветром, в некоторые дни метелью. В журнале боевых действий 123-й стрелковой дивизии о погоде в день прорыва «линии Маннергейма» написано: «Стоял сильный мороз, глубокий снег, был солнечный день»¹⁴. Вообще при описании февральских

¹⁴ РГВА. Ф.34980. Оп.10. Д.2095. Л. 23.

боев в журнале боевых действий 123-й стрелковой дивизии, который автор смотрел в РГВА, постоянно идут фразы, начинающиеся словами «несмотря на глубокий снег...».

Грубая сила. Советские войска взломали «линию Маннергейма», применив грубую силу. Бетонные коробки поддаются артиллерии, огнеметам, взрывчатке, тяжелым авиабомбам. Пользуясь возникшей в январе оперативной паузой, расположение ДОТов выявили, а затем постепенно расстреливали их из тяжелых орудий. Поскольку финская армия была сравнительно слаба и артиллерийского противодействия практически не было, это возможно было делать практически безнаказанно. Фактически была воспроизведена технология создания лунного пейзажа периода Первой мировой войны.

Советские лыжники. Опыт использования Красной Армией лыжников в Финской войне был не слишком удачным.

Альтернативой грубой силе были штурмовые группы, широко использовавшиеся немцами и получившие ограниченное применение в Красной Армии в феврале 1940 г. Казематы «Ле Бурже» были защищены от выстрелов в амбразуру, но их достоинство было их недостатком. Глухая стена, обращенная к противнику, позволяла подбираться к ДОТу группам пехотинцев. Прикрывшись дымом, огнем артиллерии, перескакивая из воронки в воронку, бойцы штурмовой группы могли преодолеть завесу пулеметного огня соседних ДОТов и выйти к своей жертве с зарядами взрывчатки. Если же саперы и пехотинцы выходили на короткую дистанцию к бетонной коробке, то она была обречена. В нашем случае захват или уничтожение ДОТа заканчивался подвозом на него тонны взрывчатки. В немецком варианте часто просто подрывался куб вентиляции, внутрь заливался бензин. Когда ДОТ наполнялся бензиновыми парами, внутрь кидалась граната. Огненный вихрь выжигал внутренности ДОТа вместе с гарнизоном. Наши бойцы на «линии Маннергейма» иногда кидали в вентиляционные шахты ДОТов гранаты, но видимого результата это не давало, и предпочитали действовать испытанным методом, подрывом всего сооружения.

«Толстовцы». Сражением на Карельском перешейке война СССР с Финляндией не ограничилась. Причем сторонники теории о могучей Красной Армии, разломавшей гранитно-бетонные ДОТы на трескучем морозе, предпочитают об этих страницах конфликта умалчивать. Наибольшую известность в качестве скандального и показательного эпизода Финской войны получили окружение и разгром 44-й стрелковой дивизии под Суомуссалми в Карелии.

Первым, достаточно распространенным заблуждением относительно 44-й дивизии является миф об отправившейся в карельские леса из Тарнополя на Украине дивизии в лет-

нем обмундировании. Это утверждение не имеет вообще никакой связи с действительностью. Во-первых, когда в середине ноября 1939 г. обозначилась неготовность соединения к отправке ввиду отсутствия людей, техники, обмундирования, отправку 44-й дивизии задержали. В дальнейшем в советских документах отсутствуют какие-либо указания на недостатку в дивизии теплой одежды. Во-вторых, сейчас уже есть и фотоматериалы, и хроника с пленными солдатами 44-й стрелковой дивизии. Они одеты вполне по сезону.

Со сражением у Суомуссалми также связана мрачная мифология финской войны. Утверждалось, что Красная Армия потеряла на этом направлении около 22,5 тыс. человек из состава 44-й и 163-й стрелковых дивизий и полка НКВД. Причем в конце 1940-х назывались даже большие цифры – 27,5 тыс. человек. В 1970-х гг. финны претендовали на 22,5 тыс. человек только убитых и похороненных летом 1940 г. советских военнослужащих. В официальной финской истории, впрочем, данные были урезаны до 22,5 тыс. общих потерь Красной Армии, что все равно впечатляет.

Масла в огонь дискуссии о потерях подливало распространенное заблуждение относительно причин разгрома под Суомуссалми. Вот что говорил о поражении 44-й стрелковой дивизии Б. М. Шапошников на уже неоднократно упоминавшемся совещании 14–17 апреля 1940 г.: «С отходом 163-й стрелковой дивизии перед противником осталась одна 44-я дивизия. Надо было принимать решение – отводить 44-ю дивизию или нет. Противник, обходя с юга, начал дробить и окружать по частям силы 44-й дивизии. Если здесь вспомним об окружении 54-й дивизии, то получается интересная картина. С одной стороны – противник, который старается раздробить дивизию на мелкие части и окружить их. Такой способ действия является правильным – необходимо всегда противника дробить на части, а потом отдельные очажки ликвидировать. С другой стороны сидят «толстовцы», которые вместо того, чтобы своевременно чистить завал из 10 деревьев, сидят и ждут, когда навалят 20. Разведки нет, фланги и тыл не охраняются. Несмотря на то что все наши уставы говорят об охране флангов, несмотря на то что Ставка 12 декабря специальным указанием о новых тактических приемах, которые нужно применять в финляндской войне, указывала, что смотрите за флангами и тылом, ничего не было сделано. Окруженные войска как «зачарованные» сидели в лесу» [17– С.183].

Однако недостаток информации со стороны противника породил искаженное представление относительно происходившего в районе Суомуссалми у советского командования. Большим заблуждением является представление об окружении 44-й дивизии небольшими отрядами финских лыжников, за действиями которых безучастно наблюдают тысячи советских «толстовцев». Наступление сначала 163-й стрелковой дивизии, а затем злополучной 44-й стрелковой дивизии угрожало рассечением Финляндии надвое. Это привело бы к перехвату сухопутного сообщения Финляндии со Швецией и основных путей поставок вооружения и других важных для войны предметов импорта. Финны были шокированы тем, что через глухие леса советскому командованию удалось протолкнуть достаточно крупные силы. Поэтому вскоре после получения известий о вторжении советских войск под Суомуссалми финнами были сосредоточены достаточно крупные силы пехоты, которые возглавил лично полковник Я. Сииласвуо, командир 9-й пехотной дивизии. Сииласвуо располагал примерно 6 тыс. человек.

Первой жертвой собранных финнами резервов стала 163-я стрелковая дивизия Зеленцова, наступавшая по двум дорогам в первом эшелоне. Сииласвуо собрал в кулак около 5 тыс. человек под командованием подполковника Мякиниemi и ударил во фланг растянутой вдоль дороги на Суомуссалми дивизии Зеленцова, точнее – ее 759-му полку. Вышедших на дорогу финнов советская сторона сильно недооценила. Предполагалось, что налет на тылы совершили отдельные диверсионные отряды, а вовсе не полноценные пехотные части. Причем Зеленцов вел себя вовсе не как «толстовец»: он сразу же попытался контратаковать

образовавшийся заслон. Но атака двух батальонов на превосходящие силы финнов предсказуемо захлебнулась. Точно так же были unsuccessful попытки деблокировать части 163-й дивизии у Суомуссалми ударом извне: финны плотно заняли межозерное дефиле (сюда Сииласвуо направил обе свои противотанковые пушки). С другой стороны атаки финнов на Суомуссалми пока удавалось отбивать. Ситуация стала патовой. В итоге командир 163-й дивизии вынужден был у командования получить разрешение на отход и с утра 28 декабря по льду Киантаярви блокированные под Суомуссалми подразделения вышли из окружения. Собственно прорыв прошел с минимальными потерями. По данным российского исследователя О. Н. Киселева, потери 163-й дивизии в боях с 30 ноября по 31 декабря 1939 г. составили 3047 человек, в том числе 890 убитыми, 1415 ранеными, 451 пропавшими без вести и 291 обмороженными. Потери финнов в этих боях оцениваются в 350 человек убитыми, 600 ранеными и 70 пропавшими без вести. Первый раунд боев за Суомуссалми завершился поражением Красной Армии, но Зеленцову удалось избежать разгрома.

К 28 декабря на так называемой «дороге Раате» от границы до Суомуссалми осталась одна 44-я стрелковая дивизия А. И. Виноградова, точнее – ее главные силы. Гаубичный полк и ряд тыловых частей до нее так и не добрались. Первоначально дивизию гнали вперед на выручку дивизии Зеленцова, теперь она осталась перед заслоном в межозерном дефиле. Последствием торопливого выдвижения стала острая нехватка всех предметов снабжения, запасы продовольствия в частях были минимальными. Перегруппировавшись, Сииласвуо использовал проверенную тактику перехвата линий снабжения и рассеяния противника на части. Наступление финнов началось 1 января 1940 г. К нему привлекались три пехотных полка, один легкий отряд, отдельный батальон и один отряд специального назначения (иногда называвшийся «партизанским»). В итоге против 12 финских батальонов Виноградов располагал всего 6 стрелковыми батальонами. Подчиненные Сииласвуо части и подразделения располагали простым численным превосходством над своим противником. Идущая к границе дорога была перерезана финнами. Попытки же сбить заслоны, в том числе с помощью танков «Т-26», успеха не имели. Противником были отнюдь не лыжники с легким оружием, а полноценная пехота с противотанковыми пушками.

В отличие от своего предшественника Зеленцова командир 44-й дивизии Виноградов не имел возможности отступить по льду озера (спасительное озеро было западнее). С лыжными отрядами он бы, скорее всего, справился. Но сопоставимый по силам противник вызвал растерянность и даже панику. Исходя из опыта войны в целом можно сказать, что разумным решением являлось занять круговую оборону, питаться кониной и сброшенными с самолетов припасами. Однако после нескольких дней боев был запрошен прорыв без тяжелого вооружения, который обернулся катастрофой. Сам Виноградов пробился с небольшим отрядом. Буквально через несколько дней А. И. Виноградов, начальник штаба 44-й сд А. И. Волков и начальник политотдела И. Т. Пахоменко были осуждены и расстреляны. Прорыв отдельным отрядом Виноградову в приговоре припомнили: «В самый ответственный момент, когда дивизия была в окружении белофиннов, Виноградов оставил все основные силы дивизии без своего руководства, вместе с небольшой группой бойцов сам из окружения [вышел], что повлекло тяжелые последствия».

Страницы западных газет вскоре были заполнены кадрами разбитой и брошенной техники, замерзших трупов, угрюмыми лицами пленных. Позднее корреспондентам западных газет даже продемонстрировали захваченную в расположении 44-й стрелковой дивизии диковинку – динамореактивную пушку Курчевского на автомобильном шасси. По советским данным, потери 44-й дивизии составили 1144 человека убитыми, 1807 ранеными и 2354 пропавшими без вести. Эти данные стыкуются с финскими трофеями: 4822 винтовки, 190 ручных и 106 станковых пулеметов и другое вооружение. Всего безвозвратные потери Красной Армии в боях под Суомуссалми за декабрь 1939 г. – январь 1940 г. составили около 6 тыс.

человек, боевые потери (включая раненых) – 10 тыс. 200 человек. Финны в тех же боях потеряли 2700 человек. Суомуссалми стало, безусловно, тяжелым поражением Красной армии, но финны добились успеха привлечением достаточно крупных сил.

Следует сказать, что иллюзия сверхэффективных действий отрядов лыжников заставила советское командование поставить свой собственный эксперимент на этот счет. Сначала была организована лыжная группа майора Кутузова из двух лыжных и саперного батальонов, но успеха она не имела, майор Кутузов погиб. Вторым, более масштабным экспериментом стала лыжная бригада полковника Долина из трех лыжных батальонов, численностью около 2 тыс. человек. Вооружена бригада была легким оружием, даже ручных пулеметов было немного. Бригаду Долина попытались бросить лесами во фланг одному из полков группы Сииласвуо в феврале 1940 г. Финны ее контратаковали и разбили у хутора Ветко с использованием орудия и станковых пулеметов. Чуда не произошло: легко вооруженные лыжники не обладают ударными возможностями пехоты. Успех финнов это успех вполне обычной и достаточно многочисленной пехоты.

Суомуссалми как пример? В своем выступлении по радио 20 января 1940 г. Черчилль заявил, что Финляндия «открыла всему миру слабость Красной Армии». Сказано это было явно под впечатлением кадров из Суомуссалми. Финны действительно широко разрекламировали свой успех. Однако насколько ситуация была типичной для Зимней войны в целом?

Во-первых, победитель под Суомуссалми, полковник Сииласвуо, попытался повторить свой успех атакой на советскую 54-ю горно-стрелковую дивизию. Этому соединению финны также сумели прервать снабжение, но катастрофы не произошло. Красноармейцы заняли оборону, оборудовали позиции ДЗОТами, опоясали их колючей проволокой, встречали атакующих финнов пулеметным огнем. Бои здесь продолжались вплоть до перемирия 13 марта 1940 г. Потери группы Сииласвуо в боях с 54-й дивизией составили 4595 человек, в том числе 1340 убитыми, 3123 ранеными и 132 пропавшими без вести при достаточно ограниченных успехах. Потери 54-й дивизии составили 6431 человека, в том числе 2118 убитыми, 3732 ранеными и 573 пропавшими без вести. Сражение оказалось тяжелым и кровопролитным для обеих сторон.

Красноармейцы осматривают наблюдательный бронекопак захваченного ДЗОТа-«миллионера».

Между Ладогой и Онегой. Еще одно сражение, не похожее на разгром 44-й стрелковой дивизии, произошло между Ладожским и Онежским озерами. Кто бывал в тех местах, тот знает, что там за местность. Это принципиально отличные от равнинного Карельского

перешейка условия. Дороги зажаты между каменными холмами-скалами высотой 30–50 м, иногда с отвесными склонами. Все покрыто лесом, вдоль дорог поля. Вот в таких условиях и двигались вперед длинные колонны людей и техники в декабре 1939 г. Фактически 168-я и 18-я стрелковые дивизии и 34-я танковая бригада вытянулись в длинную, уязвимую для фланговых атак «кишку» от Леметти до Уома. Исследователи Финской войны обычно проскакивают события середины декабря и переходят к окружению советских войск и «трагедии окруженных». При этом мило забывается финский «скелетик в шкафу», провальными атаками 12–13 декабря. Окружить советские соединения удалось далеко не сразу. Подвижность финских войск обычно преувеличивается в наших и западных источниках. 12-я и 13-я пехотные дивизии финнов страдали от некомплекта лыж и саней. По данным на 6 декабря, в 12-й дивизии 5445 лыж, не хватало 5600. В 13-й дивизии ситуация была еще хуже, имелось в наличии всего 2336 комплектов лыж, не хватало 10 766. Поэтому, как и советские войска, 13-я пд наступала вдоль дороги. Проблемой был и недостаток противотанкового оружия. 12 декабря наступавший вдоль дороги II батальон 38-го полка финнов из-за этого не добился успеха, атакуя части 97-го сп 18-й сд, поддержанные танками 34-й танковой бригады. II батальон 36-го полка вышел на пустую дорогу Леметти – Уома, III батальон того же полка вышел на ответвление этой дороги и столкнулся с теми же частями, что сражался II/38. Вышедший на дорогу Леметти – Уома ближе к Уома I батальон 37-го полка финнов сразу же подвергся атакам советских войск численностью до батальона. Резерв группы атакующих финнов, называвшейся «Лучник», II батальон 39-го полка, к месту битвы еще не прибыл. Фактически он был отрезан пробкой на дороге, образовавшейся сражавшимися с двумя батальонами финнов частями 97-го полка 18-й стрелковой дивизии и 34-й танковой бригады. Давление на занимавших дорогу финнов усилилось, и вечером 13 декабря финские части получили приказ отходить. Как сказал финский историк Ервинен в своей книге «Финская и советская тактика в Зимней войне», вышедшей в 1948 г., о боях 12–15 декабря, «IV корпус захотел откусить от яблока слишком большой кусок, который к тому же оказался слишком твердым для его мягких зубов». Но мы всего этого не знали, как в первую чеченскую, «независимые СМИ» не показывали ошибок и провалов той стороны, в стане которой они находились.

Только 26 декабря финнам удалось создать два минированных завала на дороге Лава-ярви – Леметти в районе Уома и к 28 декабря полностью прервать сообщение по этой трассе. Когда были перерезаны коммуникации, у командования 18-й стрелковой дивизии и 34-й легкотанковой бригады был выбор между пассивным ожиданием подхода своих, попыткой соединения с остальными окруженными частями и самостоятельным прорывом на восток, к главным силам 8-й армии. Был выбран путь наименьшего сопротивления, пассивное ожидание. Хотя практика боев 12–13 декабря показывала, что бить пытающихся окружить финнов можно и нужно. Но, к сожалению, даже организация процесса ожидания манной небесной оставляла желать лучшего. Красноречивее всего обстановку рисуют документы. В докладе штаба 15-й армии сказано: «...Оборона Леметти-южное организовывалась стихийно, части и подразделения, прибывшие в Леметти, строили оборону там, где они остановились, для непосредственной охраны себя. Это привело к тому, что район обороны был растянут вдоль дороги на 2 км, а ширину имел всего лишь 400–800 м. Такая ширина обороны поставила гарнизон в исключительно тяжелое положение, так как противник простреливал его действительным огнем из всех видов оружия. Допущенная ошибка в организации обороны обусловила то, что высота «А», представлявшая большую тактическую ценность, не была занята, а командная высота над районом Леметти-южное «Б» занималась недостаточными силами (60 чел. с одним пулеметом) и поэтому при первой же атаке противника была оставлена. Противник, заняв высоты, получил полную возможность в упор расстреливать людей, боевые и транспортные машины, наблюдать за поведением и действиями гарнизона... Большинство танков 34-й лтбр и 201-й хтб не были расставлены как огневые точки, а находились

непосредственно на дороге... Количество огнеприпасов точно установить не представляется возможным, но нужно сказать, что их было достаточно, к моменту выхода из окружения... оставалось до 12 тыс. снарядов и 40–45 тысяч патронов. К 5 января танки имели до двух заправок горючего. Это позволяло поставить их на более удобные позиции для обороны, чего сделано не было...» [РГВА. Ф.34980. Оп.8. Д.39. Л. 153–154. Цитируется по: [21]. Финны, напротив, не сидели без дела, и в начале января им удалось рассечь гарнизон в Леметти на две части, которые в советских сводках назывались южной и северной. Далее, 16–19 января, финны уплотнили кольцо окружения, дошли до города Питкяранта, главной базы сосредоточения и снабжения войск 8-й армии, сам город им, правда, взять не удалось. Но что делать дальше? 6 января опьяненные успехом окружения 44-й стрелковой дивизии под Суомоссалми финны раскидали с самолетов листовки с призывами к красноармейцам сдаться. Но сдаваться окруженные гарнизоны не стали. Финны оказались в сложной ситуации. С одной стороны, им требовалось высвободить войска для защиты Карельского перешейка, с другой – окруженные дивизии и бригада сковывали IV армейский корпус Ю. Хеглунда. Расчленив оборону сидевшей на берегу Ладожского озера 168-й стрелковой дивизии финнам не удалось, все их атаки были отбиты, и дивизия продержалась в осаде до конца боевых действий благодаря худо-бедно действовавшей по льду Ладожского озера линии снабжения. Но и окруженные 18-я стрелковая дивизия и 34-я танковая бригада оказались крепким орешком. Советские окруженцы в Карелии были головной болью едва ли не до конца войны. Маннергейм писал: «С тем чтобы высвободить войска для выполнения важнейших задач на других фронтах, я отдал командиру IV армейского корпуса приказ ускорить боевые действия и направить все силы на уничтожение противника в мешках. Несмотря на голод и холод, русские и на этот раз оборонялись на удивление стойко. Все их попытки вырваться из окружения были отбиты. Последний мешок 18-й дивизии перестал существовать только в конце февраля» [14– С.302]. Обычно на этом месте в статьях и книгах про финскую войну начинают рассказывать про тяготы и лишения окруженцев. Не буду повторять эти многократно сказанные слова. Подумайте о другом: финны сражались с голодными, замерзшими, рассеченными на небольшие гарнизоны людьми ДВА МЕСЯЦА. Не ждали, пока они сами погибнут от голода и холода, а активно пытались их уничтожить, чтобы высвободить войска для обороны «линии Маннергейма». При том что организация обороны гарнизонов оставляла желать лучшего. Но даже того, что осталось, иной раз хватало для сдерживания ударов финнов. Вспоминает И. М. Макачук, 34-я легкотанковая бригада: «Нашу группу спасало то, что мы имели много огневых средств. У нас было две установки спаренных (имеются в виду, наверное, двуспаренные, то есть счетверенные, установки зенитных «максимов». – А.И.) зенитных пулеметов на полуторках, два броневики, шесть противотанковых пушек, одна батарея крупного калибра. Свой район круговой обороны мы оборудовали сплошной траншеей, по которой могли ходить пулеметные установки и броневики, запаслись горючим, слив его с неподвижных танков. На попытки финнов наступать мы давали массу огня, и они откатывались. Обычно при отражении яростных атак геройски действовали наши пулеметчики. При появлении противника взвод лейтенанта Плотникова стремился по окружной траншее выехать в зону наступления и огнем спаренных пулеметов сметал не только финнов, но и кустарники, в которых они укрывались» (альманах «Цитадель», № 3, 1998 г.). Финны предпринимали до 12 атак в сутки. Потом финны рассказывали про сильные укрепления окруженных в *motti*, хотя, как мы видели по советским документам выше, это совсем не так. Курдюмов В.Н. (командарм 2-го ранга, командующий 15-й армией) говорил в своем выступлении на совещании 14–17 апреля 1940 г.: «Особенно тяжелое положение было в гарнизоне Леметти (южное). Этот гарнизон, численность которого определялась, по разным данным, в 3000–3200 человек, был расположен в районе площадью 600–800 м на 1500 м. Причем за длительный срок блокады (более двух месяцев) в этом гарнизоне не были открыты

даже окопы полного профиля. Все господствующие высоты в районе Леметти (южное) были отданы почти без боя противнику. В гарнизоне царило полнейшее безначалие». И вот это финны называли неприступными крепостями, с которыми пришлось сражаться два месяца.

Нельзя сказать, что окруженцам не сбрасывались грузы с самолетов, но наиболее эффективным было снабжение таким путем «котла» большой площади 168-й сд, для снабжения разбитых на мелкие гарнизоны войск 18-й сд и 34-й тбр требовалась ювелирная точность. Вот где сыграла свою роль пассивность командиров, не пожелавших захватить господствующие высоты и организовать оборону в опорном пункте достаточной площади, чтобы он не простреливался финнами и представлял собой удобную цель для сброса мешков с продовольствием.

Финская армия не была оснащена в достаточном количестве артиллерией, и поэтому справиться с окруженцами оказалось на самом деле нетривиальной задачей. Непрерывные атаки на гарнизоны дорого стоили финнам. Если в составе 2-го батальона 36-го пехотного полка 26 декабря 1939 г. насчитывалось 759 человек, то 1 февраля 1940 г. в нем осталось 459 человек. Батальоны 39-го полка 26 декабря 1939 г. насчитывали 718, 710 и 731 человек соответственно, 1 февраля их численность составила 526, 476 и 426 человек. Но атаки финских батальонов, голод и мороз все же делали свое дело. Так, 2 февраля финнам удалось уничтожить гарнизон Леметти-северное. Погибли в бою или попали в плен более 700 человек, трофеями 4-го армейского корпуса стали 32 танка (большой частью неисправных), 7 орудий и минометов, большое количество стрелкового вооружения и 30 грузовых машин. Следующей жертвой 18 февраля 1940 г. стал гарнизон «КП четырех полков», попытавшийся под нажимом финнов прорваться в Леметти-южное. Эта группа была практически полностью уничтожена, только 30 человек вышли в распоряжение блокированной, но снабжавшейся по льду Ладожского озера 168-й стрелковой дивизии. Удары по гарнизонам продолжались с неумолимостью падения ножа гильотины. 23 февраля 1940 г. уничтожен гарнизон у озера Сариярви. Спасшихся не было, после войны на месте боя нашли 131 труп и две братские могилы. Финские трофеи составили 6 полковых и 6 противотанковых пушек, 4 миномета, 4 танка, около 60 пулеметов. В конце февраля, бросив раненых и обмороженных, попытались прорваться остатки гарнизона Леметти-южное. Из двух колонн одна опять растянулась и была уничтожена финнами, вторая была выведена полковником Алексеевым. К своим пробившись 1237 человек, 900 из которых были ранены или обморожены. В итоге из 18 тысяч человек, находившихся в подразделениях 18-й стрелковой дивизии и 34-й танковой бригады к началу войны, примерно 2,5 тысячи оказались вне кольца, примерно 1300 человек прорвались из окружения. Остальные погибли или попали в плен.

Советский танк «БТ-5», ставший трофеем финнов в одном из «мотти» между Ладогой и Онегой.

Справедливости ради нужно отметить две вещи. Во-первых, окружения были в действительно сложных природных условиях. Попытки финнов предпринять контрнаступление и кого-нибудь окружить на равнинном Карперешейке провалились. Во-вторых, окруженные гарнизоны мужественно сражались, отбивая удары финнов. Тем самым в какой-то мере задачу свою войска 8-й, 15-й и 9-й армий, конечно, выполнили, задержали часть сил финнов. Дивизии и полки, которые могли быть переброшены на Карельский перешеек, были скованы жестокими боями сначала с наступающими дивизиями, а потом с окруженцами. Вот что написал К. Г. Маннергейм в декабре 1939 г.: «Все свидетельствовало о том, что на главный оборонительный рубеж Карельского перешейка вскоре будет предпринято генеральное наступление. Поэтому я решил усилить войска этого фронта всеми имеющимися в моем распоряжении резервами в надежде, что слабая оборона Восточного фронта все же выдержит. Однако неожиданно быстрое продвижение противника на том участке не позволило осуществить эти планы. Мне вместо этого пришлось направить большую часть скромных резервов на восток, в район Толвоярви, Кухмо и Суомуссалми» [14– С.307]. Маннергейму пришлось раздвигать для действий в районе наступления 8-й и 9-й советских армий севернее Ладожского озера свой резерв, дислоцировавшийся в районе Выборга, 6-ю пехотную дивизию. Финские части высвободить до начала марта не удалось, более того, они оказались измотанными тяжелыми двухмесячными боями. 13-я пехотная дивизия финнов потеряла 1171 человека убитыми, 3155 ранеными и 158 пропавшими без вести. Приданные подразделения (64-й пехотный полк, егерские батальоны итп) потеряли 924 убитыми, 2460 ранеными и 102 пропавшими без вести. 12-я пд IV корпуса с частями усиления потеряла 1458 человек убитыми, 3860 ранеными, 220 пропавшими без вести. Но цена, которую заплатила РККА, потеряв в шесть раз больше солдат и офицеров, была явно непропорциональна результату. И ляпы командиров окруженных соединений никакому вразумительному объяснению не поддаются. При более эффективном руководстве можно было не только сковать, но и сильно потрепать части IV финского корпуса при умеренных собственных потерях.

Таким образом, можно сделать вывод, что более типичным для советско-финской войны был не быстрый разгром Суомуссалми, а многодневная осада блокированных гарнизонов. Причем блокированных отнюдь не мифическими лыжниками, а полноценными армейскими частями финнов.

Оценка немцев. Часто высказывается мнение, что неудачи Красной Армии в Финляндии стали одной из причин немецкого нападения на СССР под лозунгом легкого сокрушения «колосса на глиняных ногах и без головы». Немцы имели возможность получить информацию о событиях на фронте из первоисточников, от самих финнов, а не из газетных сообщений. Отделом изучения армий востока (ОКН/ФНО) была подготовлена и рассылалась в войска справка о действиях Красной армии в Финляндии. Общая оценка есть в разделе «Выводы»:

«Ход финско-русской войны позволяет сделать вывод о том, что Красная Армия не вполне соответствует современным требованиям. Недостатки, проявившиеся в ходе финской кампании и последних учений, заметны командованию. Можно предположить, что из многочисленных уроков будут сделаны выводы.

Восстановление единоначалия офицеров, меры для поднятия дисциплины, новые инструкции для высшего командования и обучение низовых подразделений показывают, что

красное командование всеми силами стремится устранить проявившиеся недостатки. Необходимо считаться с определенным прогрессом в подготовке Красной Армии»¹⁵.

Такую оценку трудно назвать однозначно отрицательной. Немцы, разумеется, отмечали такие вещи, как «недостаток инициативы и шаблонные, неуклюжие действия» или плохое управление огнем: «Русская артиллерия в начале кампании расходовала огромные массы боеприпасов, не достигая серьезных результатов». Также с долей иронии говорилось о том, что русские «имели завышенные ожидания относительно эффективности танков». Тем не менее отмечались изменения к лучшему, произошедшие в ходе войны. Также была дана оценка поведению советских частей в «могги»: «Окапывание осуществлялось пехотой очень быстро и искусно» и «В обороне русские сражались храбро и упорно. Они были искусны в строительстве позиций, но эшелонирование последних в глубину оставляло желать лучшего». Эти слова говорят о том, что оценка делалась не только и не столько по опыту Суомуссалми.

* * *

Что же показала Зимняя война в реальности? Можно сказать, что неверны оба крайних мнения, а истина лежит посередине. Было бы глупо занимать страусиную позицию и не замечать очевидных недостатков, выявленных финской кампанией. Безынициативность командиров и солдат, «толстовство» – все это было. Маннергейм писал: «Русский пехотинец храбр, упорен и довольствуется малым, но безынициативен». Про командный состав РККА у К. Г. Маннергейма сложилось такое мнение: «Командование не поощряло самостоятельное маневрирование войсковых подразделений, оно упрямо, хоть тресни, держалось за первоначальные планы. Русские строили свое военное искусство на использовании техники, и управление войсками было негибким, бесцеремонным и расточительным. Отсутствие воображения особенно проявлялось в тех случаях, когда изменение обстановки требовало принятия быстрых решений». Немцы тоже сделали свои выводы из финского опыта: «Опыт русско-финской войны показал, что артиллерийская поддержка как при наступлении, так и в обороне вследствие недостаточно организованного взаимодействия с другими родами войск была недостаточно эффективной» (отдельные данные о Красной Армии от 11.06.41, цитируются по: Сборник военно-исторических материалов ВОВ. Выпуск № 18. С. 135). Было бы ошибкой считать, что «толстовство» и шаблонно мыслящие командиры куда-то улетучились из РККА.

Но не правы и скандальные журналисты, которые в январе 1940 г. смаковали кадры из Суомуссалми и Сальми, так же как сегодня смакует «подвиги» маньяков («Убийца жарил и ел печень своих жертв» аршинными буквами на две полосы). Это была традиционная погоня за сенсациями. На мой взгляд, вполне взвешенную и разумную позицию представляет Лиддел Гарт: «Первое русское наступление завершилось неожиданной остановкой. Под влиянием этих событий усилилась общая тенденция к недооценке военной мощи Советского Союза. Эту точку зрения выразил в своем выступлении по радио 20 января 1940 г. Черчилль, заявив, что Финляндия «открыла всему миру слабость Красной Армии». Это ошибочное мнение до некоторой степени разделял и Гитлер, что привело к серьезнейшим последствиям в дальнейшем. Однако беспристрастный анализ военных действий дает возможность установить истинные причины неудач русских в первоначальный период. Условия местности во всех отношениях затрудняли продвижение наступающих войск. Многочисленные естественные препятствия ограничивали возможные направления наступления. На карте участок между Ладожским озером и Северным Ледовитым океаном казался довольно широким,

¹⁵ NARA T311 R256 frames 711–712.

но фактически он представлял собой густую сеть озер и лесов, что создавало идеальные условия для ведения упорной обороны» [22– С.67].

Никогда не нужно бросаться из крайности в крайность. Финская война выявила как недостатки в подготовке командного состава, так и возможности РККА в качестве достаточно современной для 1940 г. армии, оснащенной массой артиллерии, танков, авиации, способной преодолевать укрепленные полосы и развивать успех ударом танков и пехоты. Финская показала миру как «толстовцев», так и разрушителей «миллионеров» и упорно оборонявшиеся гарнизоны «мотти». Мир многогранен и плохо поддается втискиванию в шаблоны.

Глава 3

Но разведка доложила точно...

После того как на экраны вышел такой замечательный сериал, как «Семнадцать мгновений весны», доверие к разведчикам в советском обществе было безмерным. Получила широкое распространение версия о том, что разведка доложила о плане «Барбаросса» едва ли не на следующий день после утверждения. Разведчики смущенно улыбались, говорили, что да, действительно докладывали, а И. В. Сталин не верил. Станный такой был человек во главе советского государства.

Что докладывали разведчики? Рассмотрим один из примеров таких утверждений: «Материал об основных положениях плана «Барбаросса», утвержденного Гитлером 18 декабря 1940 г., уже через неделю был передан военной разведкой в Москву» [23– С.187]. Есть и более сильные утверждения. Например, П. И. Ивашутин считает, что «основное содержание плана «Барбаросса» было известно через 11 дней после утверждения его Гитлером» [24– С.10]. Действительности это никак не соответствует. 29 декабря 1940 г. советский военный атташе в Берлине генерал-майор В. И. Тупиков доложил в Москву о том, что «Гитлер отдал приказ о подготовке к войне с СССР. Война будет объявлена в марте 1941 г. Дано задание о проверке и уточнении этих сведений». В ответ на такое оглушительное заявление Москва запросила «более внятного освещения вопроса». 4 января 1941 г. из Берлина пришло донесение с подтверждением достоверности этой информации, основанной «не на слухах, а на специальном приказе Гитлера, который является сугубо секретным и о котором известно очень немногим лицам». Однако главная проблема заключалась в том, что источник сам не видел этого документа. Уточняющее сообщение содержало следующие сведения: «Подготовка наступления против СССР началась много раньше, но одно время была несколько приостановлена, так как немцы просчитались с сопротивлением Англии. Немцы рассчитывают весной Англию поставить на колени и освободить себе руки на востоке». Отметим, что в уточняющем сообщении уже отсутствует точная дата нападения на СССР, замененная на абстрактное «весна 1941 г.». Сам по себе этот факт получения информации о некоем решении Гитлера относительно СССР является крупной удачей советской разведки. Но картину безнадежно портят неточности в процитированном сообщении. 18 декабря Гитлер не отдавал приказа о подготовке войны с СССР, это событие произошло на полгода раньше, в июне – июле 1940 г. В декабре 1940 г. был уже подписан стратегический план войны с СССР, нападение перешло из области политического замысла в плоскость практической реализации. Но куда хуже было другое: нападение на СССР безусловно привязывалось к выводу из войны Англии. Это уже выглядит как дезинформация. В директиве № 21 «Барбаросса» был указан примерный срок завершения военных приготовлений – 15 мая 1941 г. и подчеркивалось, что СССР должен быть разгромлен «еще до того, как будет закончена война против Англии» [25– Кн.2, С.452].

Однако апологеты версии о том, что «доложили, но Сталин не верил», упорствовали в своих заблуждениях. Бывший руководитель военной разведки СССР в 1963–1986 гг. Петр Иванович Ивашутин утверждал в «Военно-историческом журнале», что советской разведке «удалось раскрыть замысел германского командования» и «своевременно вскрыть политические и стратегические замыслы Германии» [26– С.56; 27– Кн.1, С.89]. Обоснованием этой версии служит доклад начальника Разведуправления от 20 марта 1941 г. «Высказывания, оргмероприятия и варианты боевых действий германской армии против СССР», где сказано, что «из наиболее вероятных военных действий, намечаемых против СССР, заслуживают внимания следующие: Вариант № 3, по данным... на февраль 1941 г. «...для наступ-

ления на СССР, написано в сообщении, создаются три армейские группы: 1-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Бока наносит удар в направлении Петрограда; 2-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Рундштедта – в направлении Москвы, и 3-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Лееба – в направлении Киева. Начало наступления на СССР – ориентировочно 20 мая» [25– Кн.2, С.779].

При этом игнорировались выводы, сделанные в том же самом документе:

«1. На основании всех приведенных выше высказываний и возможных вариантов действий весной этого года считаю, что наиболее возможным сроком начала действий против СССР будет являться момент после победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира.

2. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, может быть, германской разведки» [25– Кн.2, С.780].

Вывод в документе на самом деле был сделан совершенно верный, войны весной 1941 г. действительно не было. Это просто подборка разведанных и их анализ. Уже в начале документа составители отмечали: «Большинство агентурных данных, касающихся возможностей войны с СССР весной 1941 г., исходит от англо-американских источников, задачей которых на сегодняшний день, несомненно, является стремление ухудшить отношения между СССР и Германией. Вместе с тем, исходя из природы возникновения и развития фашизма, а также его задач, – осуществление заветных планов Гитлера, так полно и «красочно» изложенных в его книге «Моя борьба», краткое изложение всех имеющихся агентурных данных за период июль 1940 г. – март 1941 г. заслуживают в некоторой своей части серьезного внимания» [25– Кн. 2, С. 776].

Как ни дурацки это звучит, но никаких причин, помимо «Моей борьбы», в СССР не рассматривали. Реальный вариант, удар по СССР с целью принудить к капитуляции Англию, не рассматривался вовсе. Имея такое шаткое обоснование, как «Майн кампф», разведчики и аналитики при недостатке информации делали выводы, не отражавшие реальности, но вполне объяснимые.

О такой-то матери. Существует довольно пикантная резолюция, которую наложил Сталин на документ разведки. Резолюция была наложена на первую страницу доклада Меркулова от 17 июня 1941 г. Выглядела она следующим образом:

«СООБЩЕНИЕ НКГБ СССР И.В. СТАЛИНУ И В.М. МОЛОТОВУ

№ 2279/м

17 июня 1941 г.

Сов. секретно

Направляем агентурное сообщение, полученное НКГБ СССР из Берлина.

Народный комиссар

Государственной безопасности СССР

В. Меркулов

Сообщение из Берлина

Источник, работающий в штабе германской авиации, сообщает:

1. Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время.

2. В кругах штаба авиации сообщение ТАСС от 6 июня воспринято весьма иронически. Подчеркивают, что это заявление никакого значения иметь не может.

3. Объектами налетов германской авиации в первую очередь явятся электростанция «Свирь-3», московские заводы, производящие отдельные части к самолетам (электрооборудование, шарикоподшипники, покрышки), а также авторемонтные мастерские.

4. В военных действиях на стороне Германии активное участие примет Венгрия. Часть германских самолетов, главным образом истребителей, находится уже на венгерских аэродромах.

5. Важные немецкие авиаремонтные мастерские расположены: в Кенигсберге, Гдыне, Грауденце, Бреславле, Мариенбурге. Авиамоторные мастерские Милича в Польше, в Варшаве Очачи и особо важные в Хейлигенкейле [АП РФ. Ф.3. Оп.50. Д.415. Л. 50–52].

Имеется резолюция: «Т [овари] шу Меркулову. Может послать ваш «источник» из штаба герм [анской] авиации к е. ной матери. Это не «источник», а дезинформатор. И. Ст [алин]» [«Подлинник» [25– Кн. 2, С. 382–383].

Факсимиле знаменитой резолюции Сталина.

«Источником» в данном случае является Харро Шульце-Бойзен (псевдоним Старшина), действительно работавший в штабе Люфтваффе. Однако в отношении «удар можно ожидать в любое время» он неоднократно повторялся. Так, 30 апреля 1940 г. Старшина сообщал: «Вопрос о выступлении Германии против Советского Союза решен окончательно, и начало его следует ожидать со дня на день». Как известно, в мае 1941 г. нападение на СССР не состоялось. Однако сообщения о возможном со дня на день нападении продолжали поступать от Старшины. 9 мая 1941 г. он докладывал: «В штабе германской авиации подготовка операции против СССР проводится самым усиленным темпом. Все данные говорят о том, что выступление намечено на ближайшее время. В разговорах среди офицеров штаба часто называется дата 20 мая как дата начала войны. Другие полагают, что выступление намечено на июнь». Снова звучали слова о нападении в ближайшее время. Разумеется, такие сообщения, постоянно державшие в напряжении, рано или поздно начинали вызывать раздражение, выразившееся в злой и по большому счету несправедливой характеристике на докладе Меркулова.

Резолюция Г. К. Жукова. Рассказы о том, как белый и пушистый автор воспомина-ний, ответственное лицо недалекого прошлого, противостоит зеленым и склизким самодурам-начальникам, вообще являются общим местом для мемуаристики. Иногда эти рассказы имеют под собой какое-то основание. Помимо приписываемой И. В. Сталину резолюции на докладе Меркулова из книги в книгу кочует рассказ о «глупой» резолюции Г. К. Жукова на докладе ГРУ. К сожалению, доказательств в виде факсимиле не приводится, легенда существует лишь в пересказе бывшего начальника Информационного отдела ГРУ Василия Андреевича Новобранца:

«Вскоре поступил на редкость ценный документ из Франции «Официальный отчет французского Генерального штаба о франко-германской войне 1939–40 гг.». Отчет этот лично вручил начальник Генштаба французской армии генерал Гамелен (Гамелен был начальником Генштаба Франции до 1939 г., затем стал Главнокомандующим объединенными силами Франции) нашему военному атташе. Вручая документ, он сказал: «Возьмите, изучайте и смотрите, чтобы и вас не постигла такая же судьба». Ознакомившись с отчетом, я пришел в восторг. Это уж был не «японский мобплан», в котором, кроме воды, ничего не было. Здесь была показана вся немецкая армия до каждой дивизии и части – больше сотни дивизий – их состав, вооружение, нумерация и группировка. На схеме был показан весь ход боевых действий с первого до последнего дня войны. Естественно, мы накинута на этот документ как голодные на пищу. Все указанные дивизии поставили на учет, после чего было легко следить за их переброской к нашим границам. Ход боевых действий мы нанесли на карту. Нанесли группировки сил и средств на каждой стороне. Начали изучать соотношение сил в ходе боя по направлениям и искали, что же нового в оперативном искусстве дали немцы, где и в чем их секрет молниеносной победы. Почему такая крупная страна, как Франция, была разгромлена в течение одного месяца? ...Над изучением опыта этой войны у нас работала целая группа офицеров, и вскоре этот труд был закончен в виде доклада начальнику Генерального штаба генералу Г. К. Жукову – «О франко-немецкой войне 1939–1940 гг.». Доклад послали в адрес начальника Генштаба. Ответ получили такой, что о нем стыдно писать. На нашем докладе коряво и безграмотно была начертана резолюция за подписью Г. К. Жукова: «Мне это не нужно. Сообщите, сколько израсходовано заправок горючего на одну колесную машину». Здесь читатель, видимо, должен осуждающе покачать головой, удивляясь тупости и недальновидности Г. К. Жукова. Хорошо идут такие рассказы вместе с баснями про «мясника» Жукова, не жалевшего солдат.

Однако у более сведущего в исторических вопросах человека сразу же возникнет масса вопросов. Во-первых, Гамелен отнюдь не был поклонником Советской России. Более того, он был советником в Польше в 1920 г., когда Польша воевала с Советской Россией. С чего бы ему облагодетельствовать страну, которую он резко осуждал за соглашение с Гитлером? Во-вторых, на момент разгрома Франции он уже не был главнокомандующим, будучи смещен генералом Вейганом. Более того, в сентябре 1940 г. Гамелен был арестован и вряд ли мог писать какие-то военные трактаты в заключении у вишистов. Поэтому есть серьезные сомнения в том, что подобный документ вообще существовал в природе и технически мог быть передан в ГРУ.

Также было бы большим заблуждением считать, что кампания 1940 г. на Западе не освещалась в специализированных изданиях, в частности в журналах «Военная мысль» и «Военный зарубежник». Более того, типографским способом был издан обзор «Война на Западе (10.5–25.5.40)» Пятого Управления РККА. В «Выводах» этой работы честно сказано: «На основе опубликованных материалов о военных действиях на Западе пока напрашиваются следующие предварительные выводы...» Т. е. прямо указывается, что использовались открытые источники. Именно со страниц прессы в обзор переключались сведения о германских тяжелых танках и многочисленных мотоциклетных частях: «Германия добилась оперативной внезапности, а новые приемы и методы ведения боевых действий и применение новых наступательных средств (тяжелых танков, мотоциклетных частей, пикирующих бомбардировщиков, авиадесантов) оказались для союзников полной неожиданностью».

Разумеется, представленные сведения не были бесполезными. Однако у всех этих сведений был один существенный недостаток: они базировались не на документах, а на сообщениях прессы. Достоверность которых оказывалась сплошь и рядом весьма условной. Может возникнуть закономерный вопрос: «А если в докладе действительно были сведения, не попавшие в открытые издания?» Версия разумная, и ее легко проверить: Новобранец ука-

зывает, что в полученном им французском отчете имелись сведения об организации немецких танковых войск. Если общие данные о катастрофе французской армии были отринуты Жуковым, то никто не мешал использовать все остальное.

В связи с этим небезынтересно обратиться к докладу, написанному 11 июня 1941 г., за десять дней до начала войны, «О новых средствах борьбы в современной войне». Он был подготовлен в ГАБТУ (Главном автобронетанковом управлении Красной армии) и содержал развернутые сведения о структуре немецких танковых дивизий, как они виделись в СССР в июне 1941 г. Выясняется, что, по мнению советской разведки, в танковой дивизии вермахта было аж 580 танков (170 средних и 410 легких), 164 бронемшины, 24 105-мм орудия, 18 75-мм орудий, 12 75-мм противотанковых пушек (в 1941 г.! – *А.И.*), 36 47-мм противотанковых пушек¹⁶. Для орды противотанковых пушек в этой дивизии был целый противотанковый полк.

С действительностью это имело, как нетрудно догадаться, весьма слабую связь. Количество танков и бронеавтомобилей в германской танковой дивизии было существенно меньшим. В эпоху танков «Pz.I» и «Pz.II» в 1939 г. германские танковые дивизии насчитывали 320–350 танков, включая командирские машины, и примерно по 25 бронеавтомобилей всех типов. Количество орудий, напротив, было большим и большего калибра (150-мм гаубицы «sFH-18»). 75-мм противотанковые пушки только еще разрабатывались. Причем на этих откровениях о дивизиях вермахта коллеги товарища Новобранца не остановились. Красных командиров информировали, что «до 1941 года танковые дивизии были однотипными. По последним данным, создаются тяжелые танковые дивизии». В такой дивизии предполагалось наличие 160 тяжелых танков, 200 средних и 24 легких. Что это были за танки? Они фигурируют и в докладе, и в спецсообщении ГРУ от 11 марта 1941 г. Разведчики обнаружили у Германии новые тяжелые танки «Т-V», «Т-VI» и «Т-VII» массой 36, 45 и 90 тонн соответственно. Правда, с оговоркой: «По сведениям, требующим дополнительной проверки, немцы начинают строить три новых образца тяжелых танков». Хотя в докладе ГАБТУ июня 1941 г. они же фигурируют уже как «находящиеся на вооружении германской армии». Все это говорит нам о том, что никакой детальной информации об организации и вооружении соединений вермахта у ГРУ до начала войны не было. Лишь когда в ходе боев летом 1941 г. были захвачены документы немецких соединений, картина стала более или менее ясной. До этого представление об основном инструменте блицкрига было, мягко говоря, странным. Мифический же «Доклад Гамелена» представляется выдумкой, призванной придать вес готовившимся в ГРУ материалам.

В свете вышесказанного резолюция Г. К. Жукова предстает совсем в другом свете. Из сообщений прессы нельзя извлечь специфических данных, присутствующих в документах. Таковыми данными является в том числе расход горючего автотранспортом в ходе операции. Поэтому, почитав доклад с очередным пересказом открытых источников (с которыми он через «Военную мысль» и «Военный зарубежник» и так был знаком), Жуков написал ехидную резолюцию. Показывающую авторам доклада, как он оценивает компиляцию из статей в прессе.

О количестве дивизий на границах. Надо сказать, что В. А. Новобранец не остановился на рассказах о «дурацких резолюциях». Можно даже сказать, что повествование о резолюции Жукова стало вишенкой на торте душераздирающего повествования о «предупреждавшей разведке». В своем окончательном виде версия Новобранца была опубликована еще в СССР, в 1990 г., уже после смерти самого Новобранца в 1984 г. Новобранец писал, что «Советская военная разведка ещё в декабре 1940 года докладывала в разведсводке № 8, что против СССР сосредоточены 110 дивизий, из них 11 танковых». Более того, Новобранец

¹⁶ ЦАМО РФ Ф.38 Оп.11353 Д.895 Л. 3.

утверждал, что ради составления этой сводки ему пришлось идти на конфликт с начальником Разведупра Ф. И. Голиковым, отправив в печать несогласованные с шефом цифры. В пересказе скандально известного советского публициста Некрича¹⁷ выглядело это так: «Случилось так, что при подготовке очередной сводки в декабре 1940 г. Голиков «срезал» немецкую группировку на 15 дивизий. Тогда Новобранец сам составил сводку, указав реальную группировку немецких войск против СССР (около 110 дивизий), подписал ее и разослал в войска». Якобы после этой выходки Новобранец был уволен из ГРУ. Впоследствии подполковник Новобранец попал в окружение под Уманью в августе 1941 г., попал в плен и был освобожден только в 1945 г.

Вообще надо сказать, что в послевоенный период советские мемуаристы иной раз писали совершеннейшую чепуху в расчете на то, что никто и никогда ее не проверит по документам. Архивы были закрыты, точнее – доступны весьма узкому кругу офицеров Советской армии, связанных корпоративной солидарностью или даже правилами допуска к секретной информации. Невозможно было даже подумать о том, что кто-то станет разоблачать занимающих или даже занимавших высокие посты военачальников. Ныне «Разведывательная сводка № 8 (по Западу) 1940 г. Разведуправления ГШ РККА» опубликована и с ней можно ознакомиться. Это действительно отпечатанная типографским способом брошюра, рассылаемая по списку для ознакомления высшему командному составу. Никаких 110 дивизий в этой сводке нет, численность немецких войск на границе СССР оценивалась гораздо скромнее: «В Восточной Пруссии и на территории бывшей Польши имеется 76–79 дивизий, которые находятся под общим командованием генерал-фельдмаршала Лист».

Таким образом, душераздирающий рассказ Новобранца об отпечатанной без разрешения Голикова сводке является безусловной выдумкой. Однако самое интересное даже не в этом. Советская разведка значительно переоценивала немецкую группировку в Польше и Восточной Пруссии осенью 1940 г. и в начале зимы 1940–1941 гг. В действительности она насчитывала около 30 дивизий. Соответственно сделанный в разведсводке № 8 вывод «общее количество германских сил на Востоке во многом превосходит силы, необходимые для охраны границ» также не соответствует действительности. Фактически разведка не информировала, а дезинформировала советское руководство. В своих воспоминаниях Новобранец даже усилил этот тезис, похоже, не вполне осознавая его абсурдность. Он «пересказывает по памяти» свой вывод в пресловутой сводке: «За последнее время отмечаются массовые переброски немецких войск к нашим границам. Эти переброски тщательно скрываются. По состоянию на декабрь 1940 года на наших границах сосредоточено около ста десяти дивизий, из них одиннадцать танковых». Спрашивается, зачем Германии собирать крупную группировку войск на границе СССР более чем за полгода до предполагаемого начала войны? В преддверии зимы? Причем при минимальном любопытстве Новобранец мог бы ознакомиться с документами по «Барбароссе», ставшими трофеями Красной Армии в 1945 г. В них достаточно подробно описывались темпы накопления группировки для вторжения в СССР. Однако вместо этого бывшие разведчики бились в обличительном пафосе.

На самом деле, ошибочная оценка группировки немецких войск на границе СССР в конце 1940 г. имела далеко идущие негативные последствия. Во-первых, начавшееся зимой 1940–1941 гг. накопление сил вермахта на востоке осталось незамеченным. К апрелю 1941 г. количество немецких соединений, нацеленных на СССР, выросло почти в полтора раза, а в оценке ГРУ группировка вермахта осталась неизменной. Собственно в это время на восток были переброшены два из пяти эшелонов войск, запланированных для проведения операции «Барбаросса» (формально их было четыре, последний эшелон делился на две группы, 4а и 4б). Причем в Разведывательной сводке № 1 (по Западу) января 1941 г., родной сестре

¹⁷ Автор нашумевшей книги «1941, 22 июня» 1965 г., в 1975 г. эмигрировал в США.

пресловутой сводки № 8, прямым текстом говорилось: «Восточная Пруссия. Существенных изменений в группировке немецких войск в Восточной Пруссии за период с 15 ноября 1940 г. по 1 февраля 1941 г. не произошло». В апрельской Разведсводке № 4 говорилось: «В результате анализа всех поступивших данных общее усиление восточно-германского фронта против СССР (Восточная Пруссия и Генерал-Губернаторство) за февраль, март и двадцать дней апреля составляет тринадцать-семнадцать пехотных дивизий, три-четыре танковые дивизии и две мотодивизии». Нарастание группировки вермахта на советской границе на 25 % объективно не вызывало беспокойства. Реально же до 15 мая 1941 г. количество соединений вермахта на востоке выросло вдвое.

Во-вторых, крик «Волки! Волки!» в «Разведсводке № 8» («общее количество германских сил на Востоке во многом превосходит силы, необходимые для охраны границ») не имел никакого продолжения. Ни боевых действий, ни ультиматумов со стороны Германии не последовало. Соответственно недостоверными сообщениями разведчики снижали доверие к своим словам политического (и военного) руководства. Когда они вновь начали кричать «Волки! Волки!», к этим воплям уже отнеслись скептически.

Перемещения войск. Изначально завышенная численность немецких войск на востоке затеняла перемещения немецких дивизий, проводившиеся в рамках подготовки к «Барбароссе». По данным разведчиков, в феврале-марте 1941 г. на восток прибыло 6 пехотных и 3 танковые дивизии. Сегодня у нас есть возможность сравнить эти данные с реальным перемещением немецких войск. С 20 февраля по 15 марта 1941 г. на восток было передислоцировано 7 пехотных дивизий, ошибка была скорее в плюс, чем в минус. 6 апреля 1941 г. было отмечено перемещение 3 пехотных и 2 моторизованных германских дивизий. В действительности с 16 марта по 10 апреля на восток были передислоцированы 18 пехотных и 1 танковая дивизии, что увеличило общее число германских войск до 52 дивизий.

Разведуправление вновь верно отмечало перегруппировку германских войск в конце апреля – начале мая 1941 г., но неверно оценивало ее направленность. Как отмечалось в спецсообщении Разведуправления от 5 мая, «сущность перегруппировок немецких войск, производившихся во второй половине апреля, после успешного завершения Балканской кампании и до настоящего времени сводится:

1. К усилению группировки против СССР на протяжении всей западной и юго-западной границы, включая Румынию, а также в Финляндии.
2. К дальнейшему развитию операций против Англии через Ближний Восток (Турция и Ирак), Испанию и Северную Африку.
3. К усилению немецких войск в Скандинавии, где они могут быть использованы с территории Норвегии против Англии, Швеции и СССР...» [28– С.305–306].

По итогам перемещения немецких войск в конце апреля и в начале мая Разведуправление делало следующий вывод:

«1. За два месяца количество немецких дивизий в приграничной зоне против СССР увеличилось на 37 дивизий (с 70 до 107). Из них число танковых дивизий возросло с 6 до 12 дивизий. С румынской и венгерской армиями это составит около 130 дивизий.

2. Необходимо считаться с дальнейшим усилением немецкого сосредоточения против СССР за счет освободившихся войск в Югославии с их группировкой в районе Протектората и на территории Румынии.

3. Вероятно дальнейшее усиление немецких войск на территории Норвегии, северо-норвежская группировка которых в перспективе может быть использована против СССР через Финляндию и морем.

4. Наличные силы немецких войск для действий на Ближнем Востоке к данному времени выражаются в 40 дивизиях, из которых 25 в Греции и 15 в Болгарии. В этих же целях

сосредоточено до двух парашютных дивизий с вероятным их использованием в Ираке» [25–Кн. 2, С. 171–173].

Обоснование возможности нападения на СССР только известным трудом А. Гитлера «Майн кампф» сделало свое дело. Констатация факта сосредоточения германских войск на востоке сопровождается ожиданием действий Германии на Ближнем Востоке, а не нападением на СССР.

В первой половине 1941 г. немцами производились перемещения войск, которые можно было расценить двояко: и как подготовку к нападению, и как подготовку к сдерживающим действиям на случай вмешательства СССР в войну при начале «Зеелеве». То есть выдвигание войск к советским границам само по себе еще не свидетельствовало о возможном нападении. Ф. И. Голиков 31 мая честно доложил Сталину, что силы немцев распределены так:

«против Англии (на всех фронтах) – 122–126 дивизий,
против СССР – 120–122 дивизии,
резервов – 44–48 дивизий».

Цитирую «Спецсообщение разведуправления Генштаба Красной Армии о группировке немецких войск на 1 июня 1941 г.». Хорошо видно, что количество дивизий, выделенных для действий на западе, даже слегка больше выделенных против СССР. То есть ситуация на 1 июня была неопределенная, яркой направленности против СССР не имеющая.

Почему Сталин не верил Зорге? При обсуждении сообщений из Токио от Зорге почему-то отбираются только подтвердившиеся или почти подтвердившиеся. Забывается при этом, что от Зорге, помимо сообщений, достоверность которых была позднее подтверждена фактами, следовали и такие заявления:

«Расшифрованная телеграмма. Вх. № 15135 начальнику разведуправления Генштаба Красной Армии. Токио, 11 августа 1941 года.

Прошу Вас быть тщательно бдительными потому, что японцы начнут войну без каких-либо объявлений в период между первой и последней неделей августа месяца» [№ 71. ИНСОН. ЦАМО РФ. А.23. Оп.24127. Д.2. Л. 616].

Как нетрудно догадаться, войны между СССР и Японией в августе 1941 г. не состоялось.

Нарушения границы. Одной из важных частей «театра абсурда» (как его представляли в литературе) последних предвоенных месяцев были нарушения воздушного пространства СССР немецкими самолетами с разведывательными целями. Казалось бы, сообщения о многочисленных нарушениях границы самолетами немцев должны были заставить задуматься «не верящего разведке» И. В. Сталина и его ближайшее окружение. В частности, вышеупомянутый скандально известный советский историк 1960-х годов А. М. Некрич пишет:

«С апреля 1940 г. не только пограничным войскам, но и частям Красной Армии запрещалось открывать огонь по нарушителям советских воздушных границ. Германское правительство было официально об этом информировано. [...] Нарушения советской воздушной границы с каждым месяцем принимали все большие масштабы. Советское правительство неоднократно заявляло германскому правительству протест. С января 1941 г. и до начала войны немецкие самолеты 152 раза нарушали советскую границу»¹⁸.

СССР и Красная Армия выступали в роли кролика, загипнотизированного удавом. Который, парализованный страхом, смотрит на своего мучителя и позволяет ему делать все, что тому заблагорассудится. Однако при этом деликатно замалчивался вопрос о том, имелись ли такие нарушения воздушного пространства Германии с советской стороны. Проще

¹⁸ Некрич А. М. 1941, 22 июня. – М.: Памятники исторической мысли, 1995.

говоря, не имелось ответа на вопрос, как ситуация выглядела с другой стороны границы. На данный момент есть документы, позволяющие уверенно сказать, что границу перелетали в обе стороны. Например, 26 мая 1941 г. в суточном донесении отдела разведки и контрразведки 4-й немецкой армии сообщалось:

«Русский самолет войсковой авиации (истребитель «И-16») – ясно видны русские государственные опознавательные знаки – 26.5.41 г. в 11 час. 40 мин. перелетел границу между Нарев в направлении Остроленка на высоте около 2000 м, пролетел над казармами в Войцеховице...

Русский истребитель (ясно виден советский государственный опознавательный знак) в 12 час. 10 мин. пролетел над германской территорией в районе Остров-Маз [овецкий], опустился до 50 м над городом и на высоте около 500 м перелетел через границу в районе Угниево. Время пребывания над территорией Германии составило около 5 мин.»¹⁹.

Понятно, что это могли быть (и реально были) добросовестные потери ориентировки советскими летчиками в процессе выполнения учебных полетов. Отмеченные случаи, скорее всего, были заурядными ошибками в прокладке курса. Снижение же было попыткой сориентироваться. Однако летавшие над СССР немецкие самолеты-разведчики выдвигали ту же версию – потеря ориентировки.

В июне такие полеты продолжились. Так 6 июня 1941 г. отдел разведки и контрразведки 4-й немецкой армии докладывал:

«1) 5.6.41 г. в 11 час. 58 мин. русский самолет, подойдя с севера, на большой высоте перелетел через Буг в направлении Сарнаки (40 км восточнее Седлец);

2) 6.6.41 г. между 10 час. 15 мин. и 10 час. 30 мин. 2 русских биплана типа «Р-5» или «Р-З» на высоте около 500 м вторглись в воздушное пространство Германии на участке Коморово – Остров-Маз [овецкий]. – Угниево. Время пребывания от 3 до 7 мин.»²⁰.

Не всегда наблюдатели могли разглядеть опознавательные знаки:

«10.6.41 г. в 10.00 3 самолета из России перелетели границу рейха между Биркенберг и Штайнен и через короткое время под Биркенберг возвратились в Россию. Высота полета – 1500 м. Одномоторный моноплан»²¹.

Иной раз вторжения были довольно продолжительными по времени. 8 июня 1941 г. немецкий крепостной штаб «Блаурок» докладывал:

«В 12 час. 05 мин. перелетел границу русский моноплан. Направление полета: Кольно – Винчонта – Турау. В 13 час. 05 мин. самолет перелетел границу в обратном направлении»²².

Интересно отметить, что в последних случаях речь явно идет об истребителях. Причины частой потери ориентировки пилотами-истребителями очевидны. Когда пилот не только занят пилотированием, но и вынужден прокладывать курс, ошибки неизбежны. Достоверных (по опознавательным знакам) вторжений в свое воздушное пространство советских двухмоторных самолетов немцы не отмечают. Собственно обсуждения того, как летчики-истребители ВВС Красной Армии, как тогда выражались, «блудили», имеются в документах авиасоединений приграничных округов. Смещение границы в 1939 г., перелет на новые аэродромы привели к тому, что летчики оказались слабо знакомы с новыми районами базирования и начертанием линии границы. Последствием этого были нарушения воздушного пространства соседей. Следует отметить, что в настоящий момент нет документов, свидетельствующих о ведении советскими летчиками визуальной или фоторазведки. Нет приказов на проведение таких разведывательных полетов в глубь территории Восточ-

¹⁹ ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 586, лл. 62–63.

²⁰ Там же, л. 45.

²¹ Там же, л. 33.

²² ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 586, л. 39.

ной Пруссии и оккупированной Польши. Имела место именно систематическая потеря ориентировки.

Одновременно немцами фиксировалась активность советской разведывательной авиации, действовавшей без нарушения границы соседа. В донесениях мелькают сообщения типа «два самолета-разведчика барражировали вблизи границы» или «5 русских самолетов-разведчиков пролетели вдоль границы на высоте около 1000 м». Собственно в том же духе действовали немецкие самолеты-разведчики, летавшие вдоль границы. Отличия были в коротких вторжениях разведчиков люфтваффе на советскую территорию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.